

Елена Навикова

Элька и её тараканы

Елена Новикова

Элька и её тараканы

«Издательские решения»

Новикова Е. Ю.

Элька и её тараканы / Е. Ю. Новикова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858700-9

Книга о девочке Эльке и ее друзьях, которые спасают малыша Маню и всех жителей закартонного города Ир-Ирон и помогают бабушке Дюшель исправить совершенные ею ошибки.

ISBN 978-5-44-858700-9

© Новикова Е. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Праздник слез	6
Глава 2. Новая жизнь бабушки Дюшель	11
Глава 3. Кризис	15
Глава 4. Джо	19
Глава 5. Господин Невидимка	23
Глава 6. Две казни	28
Глава 7. Грустный завтрак	34
Глава 8. Приглашение	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Элька и её тараканы

Елена Юрьевна Новикова

Иллюстратор Наталья Рыжкина

© Елена Юрьевна Новикова, 2017

© Наталья Рыжкина, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-8700-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Праздник слез

– Явились! – мама поправила занавеску и сжала Элькино плечо. – Умоляю, держи себя в руках!

Элька кивнула. Она постарается. Хотя бабушка Дюшель утверждает, что актриса из нее – как... из сороконожки балерина.

– Поздравляем! – откуда-то снизу прокричали последние гости, тетя Лея и двоюродный брат Эльки двенадцатилетний задира Рон. Они всегда опаздывали: как все, кто живет близко.

– Толстеешь! – Рон окинул ее удовлетворенным взглядом и присвистнул. – К Новому году тебя можно будет прирезать! Сало вытопить, а на эти деньги построить около мэрии четвертый небоскреб, в виде... звезды. Или прямоугольника. А еще лучше – в виде жирной девчонки, с набалдашником наверху и толстыми руками-балконами...

Сам он до десяти лет тоже не отличался особой костлявостью, но год назад пошел в секцию тенниса и довольно скоро похудел. А раз так, мог ли он, вытащив дротики насмешек из своего тела, не вонзить их в новую мишень...

– Рони, ты опять за свое?

– Я не обижаюсь, тетечка Лея. Ой, это мне? – Элька приняла огромную плоскую коробку, перевязанную желтой лентой с дурацким сине-зеленым цветком, и вымучила улыбку. Она бы руками растягивала уголки рта, если б руки не были заняты оригинальным подарком. Кажется, седьмым по счету... Интересно, сколько одинаковых подарков нужно получить, чтобы попасть в Книгу рекордов Гиннеса?

– Даже не развернешь? – тетя была разочарована.

– Все за стол: индейка стынет! – выручила дочку мама. – А потом бедная Элька рассматривает этот и пять предыдущих подарков. (Слово «бедная» мама вслух, конечно, не произнесла).

«Ну почему, почему эти взрослые такие... такие... Восемь одинаковых подарков на день рождения десятилетней девочки – что может быть ужаснее?» – думала Элька несколько часов спустя, лежа в кровати в любимой сиреновой пижаме с разноцветными буквами и цифрами, которые иногда ночью оживали и складывались в удивительные слова и числа. Наутро, правда, они бесследно исчезали, как и бледно-желтые полосы, бегущие ночью по потолку от окна к двери. – Восемь одинаковых плоских коробок, обернутых одинаковой бумагой с черными паучками, снующими по зелено-золотистому полю. Словно в одном магазине купленные. Оптом, чтобы подешевле.

«Купить по отдельности десять чайных пар или... отелей – всегда дороже, чем чайный сервиз или сеть отелей», – говорил отец.

Вот и эти купили... сеть...

Элька представила себе сборище взрослых тетенок и дяденок за круглым столиком в «Веселых Толстушках» – новеньком кафе, где ее подружка Лора праздновала день рождения две недели назад. Не такой, как сегодня у Эльки, а настоящий: с бенгальскими огнями, игрой в фанты и дурашливым клоуном, который целый час смешил их до коликов в животе, а под конец вытащил прямо из уха ошалевшей Лоры детский набор для кукольного парикмахера – тот самый, о котором она мечтала с прошлого лета.

У Эльки тоже был клоун, он тоже смешил гостей и плакал длинными струями, когда жонглируя, ронял шары. И тоже извлек из-под крошечной рыжей кепочки огромную коробку. Но когда Элька увидела знакомых паучков, она, не забыв вежливо поблагодарить клоуна, убежала с подарком в другую комнату, чтобы скрыть рыдания, подступившие к горлу. С этой коробки, восьмой по счету, Элька даже ленточку с бумажным цветком не сняла. Все было понятно и так.

Она ясно представила себе картину:

«У нас под окнами есть лавочка, где продают детские картонные домики. С белыми стенами, чтобы раскрашивать. Сейчас там приличные скидки: покупаешь десять штук, а платишь только за восемь». (Это, конечно, папа Лоры, который может полстраны проехать, чтобы купить пять килограммов дешевых мандаринов). Нас семеро, нужны еще трое!

– Шестеро.

– Что?

– Нас шестеро. Не могут близнецы Левины принести два одинаковых подарка.

– Так... Хорошо. Когда у них день рождения?

– Через месяц!

– Вот и замечательно! Берем десять домиков – по одному от каждого из нас, седьмой всучим клоуну, восьмой я отдам... племяннице, за победу в конкурсе чтецов, девятый и десятый через месяц подарим близнецам, а сэкономленные деньги сейчас же и прокутим! Эй, официант!».

Наверное, так все и было. Элька вздохнула и повернулась на правый бок. Из-под ресниц щекоча щеку и висок, выползла очередная слеза. Сна как не бывало!

«Ну почему я такая несчастная? Самая разнесчастливая именинница на свете! Они приносят «символические» подарки, а папе суют в конвертиках деньги, на которые он и мама купят ей все, что она захочет. Все, кроме веселого дня рождения с настоящими, волшебными подарками.

А эти дурацкие домики, с ними что делать? Их даже из упаковок не вытащили, потому что кому интересны «символические» подарки? Маленькие гости кинулись к ее дорогим куклам, конструкторам, игрушечным больницам, школам, магазинам и кинотеатру. Предварительно уничтожив все орешки, чипсы, попкорн и конфеты. Потом посмотрели пару новейших мультиков, поиграли в новейшие игры на двух ее компьютерах, а вечером пришел тот самый клоун, который сначала всех смешил, а под конец заставил плакать. Не всех, Эльку, когда достал из пестрого мешка огромную картонную коробку. Ту самую, с паучками...

– Не плачь, Лолли, – мама неслышно вошла в комнату, села рядом с Элькой и погладила ее по голове. – У меня для тебя есть отличная новость: объявилась твоя любимая бабушка Дюшель. Голос – как из подземелья. Не удивлюсь, если она в Африке или на Южном полюсе. С тех пор как научилась летать, ее невозможно удержать на одном месте!

Мама снова поцеловала Эльку и вышла, тихонько притворив за собой дверь.

Элька перебралась в кресло, предварительно подвинув его к окну, укрылась полосатым пледом и подняла глаза к небу, словно оттуда могла появиться любимая бабушка Дюшель и сесть на карниз, весело помахивая хвостиком.

«В конце концов, все не так плохо, и я, возможно, не самая несчастная девочка на свете, – подумала Элька, подавив тяжелый вздох. – У меня есть мама и папа, есть моя комната, друзья. Есть бабушка Дюшель, немножко безумная, но очень, очень любимая. Есть Рири, есть Кризли. Кстати, а почему это их не видно? Обычно ждут не дождутся, когда я лягу в постель, чтобы уютно устроиться рядом».

Элька соскочила с кресла и направилась в кухню.

– Кризли, малышка! Ты тут? – позвала она, и, чмокнув маму в мокрый локоть, вышла на кухонный балкончик. Там ее ждал сюрприз: поднос с чашками для еды и питья крысы исчез. А на его месте лежал, свернувшись калачиком вокруг крохотного огрызка моркови, грустный слизняк Рири.

– Рирюша, ты не видел Кризли? – спросила Элька, присев возле любимца и глядя его средним пальцем. Рири молчал. То есть по-своему, по-слизнячьи, он, может, и муркнул, но Элька не расслышала.

– Мама, ты Кризли не видела? Такое ощущение, что она сбежала из дома и вещички прихватила. Ни чашечки с водой, ни блюдечка...

– Н-нет... не знаю, – пробормотала мама, не поворачиваясь.

– Мама! – строго сказала Элька.

– Она... она в домике тети Фанни, – ответила мама после подозрительно долгой паузы. – Я... боялась, что кто-то из гостей наступит на нее, и... и унесла ее.

– Уфф, как ты меня напугала! – выдохнула Элька и схватила курточку.

– Ты никуда не пойдешь! – крикнула мама. Когда она была неправа, она всегда повышала голос. – Уже поздно.

– Я не оставлю Кризли в чужом доме. Она там замерзнет, обидится... и вообще...

– Иди ко мне, Лолли, – мама вытерла руки, обняла Эльку за плечи и усадила рядом с собой на кухонном кожаном диванчике. – У нас с папой есть для тебя... подарок. – Мама вышла и вернулась с небольшой коробкой, в которой что-то шуршало и попискивало. – Посмотри, какая прелесть!

Элька открыла коробку, уверенная, что мама шутит и в коробке сидит Кризли. Но она ошиблась. Оттуда высунул очаровательную мордочку заспанный котенок. Он выгнул пушистую белую спинку, встряхнулся и глянул на Эльку сначала хитрым желтым глазом, потом – испуганным зеленым.

– Ой, какой замечательный малыш! – закричала Элька, поцеловала котенка, потом маму – и снова котенка, выскочила из кухни и тут же вернулась, уже в кроссовках.

– Куда ты, Лолли? – растерялась мама.

– Я же сказала – забрать Кризли.

– Но... тогда тебе придется отказаться от котенка. Кошки и крысы не живут вместе.

– Во-первых, живут. Во-вторых, я никогда не поменяю старого друга на самого раззолотого нового. Ты сама меня учила.

– Хорошо. Тогда я забираю котенка. Отдадим его...

– ... Джо, – подсказала Элька. – Помнишь Джо, который на Рыночной площади играет на контрабасе?

– Джо? Хорошо, – вздохнула мама. – Пусть несчастный глухой котенок живет на улице.

– Глухой?

– Ну да. Белые кошки с разноцветными глазами, как правило, ничего не слышат.

– Бедненький! – Элька прижала котенка к себе и поцеловала сначала его зеленый глаз, потом желтый.

– Договоримся так: ты греешь молоко, кормишь малыша и ложишься, а я домою посуду и схожу за крысой. Заодно юбку укорочу на тетушкиной швейной машинке: наша барахлить стала.

– Как его зовут?

– Не знаю. Надеюсь, что Глик – «счастливчик». Впрочем, решать тебе! – Мама поцеловала растроганную именинницу и вышла, но на пороге остановилась.

Хотела спросить... А как тебе подарок Джо? Он кто... твой... поклонник?

– Не смешно, мама... – рассердилась Элька, потому что поклонники бывают у тоненьких красавиц, а у таких как она – только... мучители. – И вообще... О каком подарке ты говоришь?

– Мальчик на велосипеде привез. Сказал – от Джо. Я решила, что этот Джо – твой кавалер...

– Мама!

– Ты можешь, конечно, сердиться, но, согласишься: просто знакомым девочкам просто знакомые мальчики огромных подарков не дарят. – Мама осеклась.

– Там что, тоже... домик? – прошептала Элька.

– Н-нет, не думаю... – растерялась мама. – Просто... большая коробка...

– Плоская? – в голосе Эльки звучали слезы.

– Слава богу, нет. – Мама явно обрадовалась. – Точно не плоская. Большая, не очень тяжелая. Какой-нибудь кукольный...

– Домик? – продолжила Элька и пристально посмотрела растерявшейся маме в глаза. – И где она, эта... коробка? Почему ты мне ее вчера не отдала? – Элька спустила голые ноги на пол и стала шаркать ими в поисках тапочек. Как всегда, за правую ногу зацепился левый тапochек, а за левую – правый. У везучей Аннабель никогда так, наверное, не бывает.

– Закрутилась... – сказала мама и отвела глаза. По ней было видно, что она сердится на себя за длинный язык... – А может я его... к нам отнесла? Или... в комнату Аннабель?

– Так пойдем туда! – решительно сказала Элька.

– Ох уж мне эти овны! Вынь да положи сию минуту... – Мама вытащила мобильник и нажала кнопку. – Аннабель, как вы там? Веселитесь? – Мама вдруг зашептала. – Ничего, просто... могла бы побыть в этот вечер с Элькой... – Она резко оглянулась. – Как тебе не стыдно, ведь это же твоя сестра... Все, не хочу больше с тобой говорить! – Мама с шумом захлопнула крышку телефона и снова внимательно осмотрела комнату Эльки. – Куда же он подевался?

Элька молча разулась и легла, повернувшись лицом к стене.

– Не расстраивайся, Лолли, найдется пропажа. А этому... Джо... отнеси завтра кусок торта и конфеты. А то как-то неудобно получилось.

Элька не ответила.

– Знаешь... – мама вздохнула. – День рождения – это праздник, который продолжается до тех пор, пока не вручен последний подарок. Так что – еще раз с днем рождения, родная! – Мама поцеловала Эльку и вышла.

Когда за мамой закрылась дверь, Элька вытерла слезы и улыбнулась. Мама права: день рождения кончается не с полуночным боем часов, а с последним подарком. Интересно, что привезет ей тетушка Фанни?

Надо отдать ей должное, тетя Фанни была единственной, кто обрадовался, когда врач сообщил, что у ее младшей сестры Рины через шесть месяцев родится девочка. Элькиному папе, и маме, и Аннабельке, и многочисленным тетям-дядям, у которых детей либо не было, либо рождались только дочки, хотелось, чтобы в семействе появился, наконец, маленький мужчина. А появилась Элька. И это было воспринято, как некое предательство рода, самозванство, попахивающее вопиющей наглостью и попранием интересов семьи.

И словно в отместку за враждебную встречу, Элька росла так быстро, что даже то небольшое преимущество наличия двух однополых погодков в семье – возможность младшему доншивать одежду старшего – было сведено на нет. Платица, костюмчики, блузочки и туфельки Аннабель были Эльке безнадежно малы. На дни рождения и детские праздники родственники приносили два нарядных платица, или две пары туфельек, или модные купальнички, – и все, все это доставалось счастливнице Аннабель, худенькой, невысокой, с маленькой ножкой и узкими запястьями, – а Элька... Элька возвращалась к стареньким джинсам и бледно-зеленой блузе-распашонке.

Потому-то и возникла традиция на дни рождения Эльки дарить конвертики с деньгами и «чисто символический подарок».

День, когда семья получала посылки от австралийских и американских родственников, всегда был праздником для Аннабельки и источником горьких слез для Эльки. Красивейшие детские вещи откладывались в ту сторону, где прыгала от нетерпения Аннабель, шкаф которой и так ломился от нарядов. А на Элькину полочку отправлялись либо шарфики-накидки-украшения, которые Элька люто ненавидела, либо широкая юбка, которая не подошла ни маме, ни тете Лее, ни тетушке Фанни и из которой «можно сообразить что-нибудь для Эльки».

Но так как шить мама не умела и не любила, месяца через два обнаружилось, что юбка благополучно перекочевала к маминой коллеге, знакомой или соседке, а то и прямым ходом на помойку.

Если расположение звезд и правда реально влияет на события жизни человека, то в день рождения Эльки все они попрятались, оставив дежурить самую ленивую и жадную, а в день рождения Аннабельки все до единой вылезли на небо, чтобы одарить новорожденную талантами, красотой, обаянием, а главное – невероятной удачливостью во всем.

Когда мама вела двух своих дочек записывать в хор, на музыку, в спортивную секцию, то брали всегда только одну из них. Вам ведь не взбредет в голову уточнять, кто неизменно оказывался этим счастливым, а кто, заливаясь горячими слезами, шел домой, отказываясь от взяток в виде мороженого со взбитыми сливками и клубничкой наверху.

Даже в художественную школу взяли не Эльку, а Аннабель, которая не способна была отличить розовый цвет от оранжевого и нарисовать... детский мяч. Правда, Аннабель там учиться тоже не стала. И с хора сбежала на третий день, и музыку вот-вот бросит. Но разве это имеет значение? Разве *это* имеет значение?

И с именем Эльке не повезло.

– Ну почему такая несправедливость? – спросила она как-то бабушку Дюшель. – Аннабель переводится как «прекрасная Анна», а Элька – как большой размер, «L». Назвали бы уж сразу ЭксЭксЭлькой...

Любой поход по магазинам кончался ее слезами. Едва взглянув на Эльку, продавцы объявляли: «На вашу девочку в нашем магазине ничего нет. Идите в „Три толстяка“ или в „Колобок“. Может, там найдете что-то подходящее», – и насмешливо перемигивались. И даже на художественной выставке услышала: «Мне больше всего понравился вон тот рисунок, в углу. Сейчас эта толстуха отойдет, посмотри». Он мог бы и не уточнять: больше толстых в галерее не наблюдалось.

– Дурочка ты моя, – обняла ее бабушка. – Да, Аннабель красивая девочка. И худенькая. Но люблю-то я тебя. И бабушка Фанни на тебя не надышится... И глупые Долли и Молли. Они же... из штанов выпрыгивают, когда тебя видят!

Элька рассмеялась, представив себе эту картину, и сон как рукой сняло. Накрывшись пледом, она подвинула кресло к окну, забралась в него, поджав под себя ноги, и подняла глаза к звездам.

Глава 2. Новая жизнь бабушки Дюшель

Если хорошенько поразмыслить, в каждой семье обнаружишь маньяка. В семье Элин-грин их было целых шесть. Папа коллекционировал все, что могло пригодиться в хозяйстве. Деревяшки, гнутые гвозди и кривые шурупы, веревочки, пружинки, двигатели вышвырнутых на помойку стиральных машинок и старые мониторы. Аннабель несла в дом все, что связано с кошками. Причем, к живым она относилась более чем прохладно, а вот символами – статуэтками, календариками, открытками, свечками и брелками, словом, всем тем, что символизировало представителей семейства кошачьих, но не требовало усилий по чистке туалета, вычесыванию, покупке корма и лекарств от блох и глистов, – заполонила свою комнату так, что скоро там стало нечем дышать! Время от времени мама потихоньку выбрасывала драгоценности мужа и младшей дочери, но после того как пару раз была застигнута на месте преступления, со всеми вытекающими последствиями, махнула на них рукой и занялась собой. Она плавно соскальзывала с одной диеты на другую, оставляя себе на память о каждой пару-тройку новых килограммов.

Тетушка Фанни не тащила в дом трухлявых дощечек и шербленых тарелок, как папа, не хваталась за сердце при виде расшитой уродливыми кошачьими мордочками скатерти, как Аннабель, и не обращала внимания на лишний вес и количество подбородков, как мама. Ее подвело... доверие к людям. Услышав рекламу новой кастрюли, крема, чудодейственного резинового налобника или магнитной заколки, восстанавливающей память, она бежала на презентацию товара, накупала еще двадцать сопутствующих «бонусов» с эксклюзивной скидкой – и едва доживала до очередной пенсии. Ей звонили по двум ее мобильникам, стучали в дверь, донимали письмами и писали письма менеджеры по реализации всевозможных ненужностей, и находили доверчивого слушателя и благодарного покупателя.

– Тетушка Фанни, вам не кажется, что они передают номер вашего телефона друг другу? Нам-то не звонят. Не пишут. К нам не приходят. То есть, бывает, конечно, но крайне редко. А знаете почему? У нас ловить нечего. Если нам что-то нужно, мы ищем информацию в Интернете, спрашиваем специалистов, и только после этого покупаем, – увещевал ее папа.

– Но ведь это не абы кто, это менеджеры по реализации, руководители. Они врать не будут!

– Тетушка, это они так представляются. В простонародье эти «менеджеры» – просто... торгаши. Им надо сбыть товар, часто лежалый и, как правило, ненужный, а покупатели с каждым годом умнеют. Не все, но большинство...

Думаете, обжегшись на молоке тетушка стала пробовать кончиком мизинца воду? Нет, она не собиралась менять своих правил. Но и близких больше не донимала. Она просто перестала сообщать им о том, сколько стоил ей очередной чудо-прибор. «Роза мне подарила», «сестра соседки отдала», «нашла около мусорного бака»... И от нее отстали.

А Элька... Элька была помешана на несчастных животных и несчастных людях. «Если я когда-нибудь разбогатею, – думала она, – я открою комфортабельные приюты для животных, удочерю и усыновлю всех больных детей-сирот и построю дом... нет, город для тех, кто не похож на других. Для толстых, некрасивых, несчастных одиноких людей. И сделаю так, чтобы они забыли о своих проблемах. Здоровые и красивые еще позавидуют им.

Правда, стоило ей представить умирающих от зависти тоненьких красавиц, ей становилось жаль и их. Всех Элька жалела и всех готова была утешить, обогреть, накормить и насмешишь.

Но самой страстной маньячкой в их семье оказалась бабушка Дюшель, которая дни и ночи напролет проводила у экрана компьютера.

– Ты, мам, как тот медведь... с бочкой меда: то за уши не притянешь, то – за хвост не оттянешь... – смеялась Элькина мама. И действительно, когда два года назад дети – дочь и зять – подарили бабушке Дюшель компьютер, она категорически заявила, что никогда в жизни не прикаснется к железному монстру. Но не прошло и шести месяцев, как она превратилась в самую преданную его рабыню: дни и ночи напролет раскладывала пасьянсы, играла в стрелялки и пугалки, создавала компьютерных страшилищ, играла в покер с американскими шулерами... то есть – с компьютерными партнерами. Когда она, обыграв, «скупилась» весь штат Техас, она охладела к картам и пристрастилась к гороскопам и предсказаниям, по вечерам смотрела фильмы, в названии которых мелькало слово «убийство».

А уж когда нырнула в полный загадок океан Интернета, родственники забыли, какого цвета у нее глаза. Радужная оболочка, а не белки: они у компьютерных маньяков одинаковые – багрово-красные. Бабушка знакомилась с интересными людьми, вступала во всемирные общества начинающих волшебников, межпланетные клубы Мастеров магии и чудес, покупала виртуальные острова, участки на Луне и Венере, шесть раз играла виртуальную свадьбу, посетила все мыслимые и немыслимые страны, публиковала стихи собственного сочинения, фотографии, картины, участвовала во всевозможных конкурсах.

К тому времени Эльке было почти восемь. Родители не хотели оставлять ребенка одного в пустой квартире на полдня и уговорили бабушку Дюшель уделить внучке несколько послеобеденных часов. Сначала она упиралась, даже предлагала помочь оплатить услуги няни, но потом, увидев во внучке единомышленницу, успокоилась.

– Чему может научить ребенка безумная Дюшель? – вздыхал папа.

– Смотреть на мир, как на шкатулку с драгоценностями, одна из которых – твоя. Сумей только отыскать ее. Иначе все собьется и придется ждать того, кто восстановит порядок! – парировала мама. – Да, моя мама, наверное, не подарок. Но, займись нашей Элькой твоя вечно унылая маман, ребенок усвоил бы лишь то, что жизнь – путь, полный нескончаемых тягот и трудностей, которые надо все время мучительно преодолевать, чтобы в самом конце попасть в далекую точку, называемую исполнением мечты. Измученным, больным и равнодушным ко всему на свете... Если повезет...

Но на самом деле мама тоже опасалась бабушкиного влияния на внучку. И в чем-то родители были правы. Бабушка Дюшель даже в те времена, когда ребенок был около нее, ни на минуту не отрывалась от компьютера. Более того, она пристрастила к нему внучку. Мама тогда серьезно поссорилась с бабушкой Дюшель и запретила Эльке общаться с ней. Но навещать подружек ей не запрещали, а разве обязана девочка сообщать родителям имена и адреса всех своих друзей? Элька выходила из дома, шла направо, якобы к новой однокласснице – Мари, Софи или Мишель – заниматься английским, но ровно через сорок шагов, оказавшись вне поля зрения домашних, шла пешком до следующей остановки. Там она, чтобы не столкнуться с папой, тетусшкой Фанни или соседкой, садилась в автобус и ехала в противоположном направлении. К бабушке, которая уже приготовила для любимой внучки новую игру, фильм или сногшибательную головоломку.

Так продолжалось до тех пор, пока бабушка не сообщила им, что научилась летать. В тот же вечер она исчезла, посылая время от времени весточки на Элькин электронный адрес то из Индии, то из Новой Зеландии с клятвенными обещаниями в следующий раз взять ее с собой. Вначале Элька пускалась в пляс от радости. Пока не поняла, что бабушка могла бы озолотиться, продавая обещания (десять в одном пакетике) даже по цене одного автобусного билета за пакет. Если относиться к каждому серьезно, все ладони отобьешь от радости и все глаза выплещешь от горя.

Именно в эти годы Элька из застенчивой закомплексованной малышки превратилась сначала в няню своей бабушки, а потом и в маму всего их большого семейства.

Вот как это было. В первые пару недель бабушка исправно забирала внучку из школы и они вместе ехали домой. Потом бабушка уговорила Эльку добираться самостоятельно. Правда, в первый раз она следовала за ней по пятам, стараясь остаться незамеченной. После этого Элька ехала к бабушке одна, дав ей слово, что никогда не скажет об этом родителям.

Потом бабушка стала посылать внучку в ближайший магазин за продуктами, потом – в супермаркет (а это – уже через две дороги!) – за кроссвордами, яблочным табаком для кальяна и свечами. К девяти годам Элька оплачивала на почте все бабушкины счета, выкупала лекарства в аптеках. Она определяла, каких продуктов нет в доме, сама покупала их и сама готовила обед – им на двоих, а еще ужин и завтрак для бабушки, у которой «нет ни секундошки свободной».

Придя из школы, Элька мерила бабушке давление, капала ей глазные капли, кормила ее, покупала закончившиеся зубную пасту, стиральный и чистящий порошки, туалетную бумагу. Убирала квартиру, силой заставляла бабушку оторваться от экрана компьютера, чтобы поесть горячее блюдо.

Когда бабушке Дюшель прописали уколы, та умолила внучку попробовать сделать укол, чтобы бабушка не тратила драгоценного времени на посещение поликлиники, и с тех пор Элька стала домашней медсестрой для всех членов семьи.

Она стригла бабушку (а потом и остальных), красила ей волосы, ногти, пришивала пуговицы, штопала спортивные брючки, с которыми бабушка ни в коем случае не хотела расставаться.

В распоряжении Эльки были деньги, которые лежали на видном месте и никогда не пересчитывались. Ей было разрешено покупать все, что ее душе заблагорассудится. Обнаружив, что не может ступить без Эльки ни шагу, бабушка разрешила внучке принести в дом двух щенков неизвестной породы породы, кошку с четырьмя котятками и двух заблудившихся попугайчиков. Впрочем, участь последних была печальной: подразнив сладкую парочку сатирическими куплетами, бабушка забыла закрыть клетку, и... Сухой корм кошек в тот день оказался нетронутым. Зато весь дом был усеян потрясающей красоты желто-лимонными и ярко-зелеными перышками Эдди и Фредди.

...Все известно, что тот, у кого есть домашние животные, не может себе позволить такой роскоши, как длительное путешествие. И наоборот. Поэтому, отправляясь в очередное «турне», бабушка Дюшель запирает вещи в третью комнату, а две сдавала жильцам практически бесплатно. Но с условием, что те позаботятся о растениях и животных.

Так было и в последний раз. Тогда она еще не умела перемещаться в пространстве виртуально.

Когда на следующий же день папа пришел за забытым в бабушкиной комнате цветочным горшком, ему встретился молодой человек с огромной сумкой, из которой торчал угол монитора, бок клавиатуры и шнуры. В другой руке он держал тяжелый целлофановый мешок, который, растерявшись, поставил на лестницу и ринулся мимо опешившего папы вниз. Тут же раздался хлопок двери и звук отъезжающей машины. Очевидно, того самого грузовика, который стоял торцом к подъезду.

Войдя в квартиру, папа обнаружил, что все комнаты, в том числе и запертая бабушкина, пусты. По квартире гуляет ветер, животных и след простыл. Но если бог за что-то и наказал бабушку, то тут же раскаялся и подсластил горькую пилюлю. В брошенном воришкой пакете оказался ее любимый «император». Без монитора и других аксессуаров, но это – дело наживное, чего не скажешь об информации на жестком диске, той самой, которую бабушка так бережно и страстно собирала все эти годы.

– Цезарь... жив? – чуть не выронила трубку расстроенная бабушка. Она одушевляла все вокруг, даже зубным щеткам и швабрам давала имена. Компьютер по имени Цезарь был

ее «любимым муженьком», монитор Макс, клавиатура Мики и мышка Маус – дорогими племянниками. Почему не детьми? Потому что детьми были ее животные, потерю которых она, как истинная мама-кукушиха, перенесла куда более стоически, чем саму мысль о возможном «вдовстве».

– Жив-жив ваш Цезарь, мама. Но Макс и компания почил в бозе.

– Черт с ними, да будет благословенная их память! – вскричала бабушка. – Ты Цезаря, Цезаря моего поцелуй за меня... десять раз, нет, сто – и прямо в блестящий пупок!

– А вот этого я вам, мама, не обещаю, – усмехнулся папа и подмигнул Эльке. – Для такого рода поручений у вас есть преданные внучки.

В тот момент история с кражей казалась всего лишь досадным инцидентом, поводом для шуточек на семейных торжествах, не более того. Цезарь быстро обзавелся новой семьей: Диной, Дорой и Дороном. Более того, рядом с ним сопел и урчал младенец Дрор – новехонький принтер, деньги на который прислала Эльке счастливая бабушка.

Там, в своей дали, бабушка купила сначала ноутбук, а потом – навороченный мобильный телефон с выходом в интернет, фото- и видеоопциями, причем при первой же возможности обновляла все это хозяйство. Словом, шла в ногу с веком. То есть, мчалась – грудь в грудь, крыло в крыло.

– Бабулечка, научи и меня летать, – канючила Элька в каждом письме.

– Мне сейчас не до этого, – ответила ей бабушка Дюшель. – У меня ужасные проблемы, Лолли.

А если уж у бабушки, их взбалмошной, легкомысленной, беспечной и везучей бабушки Дюшель появились проблемы, – близким смело можно было... начать беспокоиться. Вернее, можно было *бы* – потому что бабушка никого не посвящала в свои неприятности. Надеялась, как всегда, что все само собой разрешится, рассосется, успокоится и забудется. Но не тут-то было...

Глава 3. Кризли

– А-ааа-аа!!! Уберите эту гадость!

Элька открыла глаза и замерла. Что это было: сон или явь?

– Эй, кто-нибудь, снимите ее с меня! – Истошный женский визг был очевидной... то есть «ухослышной» реальностью, существующей в законном суровом мире.

Элька вскочила и, на ходу надевая второй тапочек, кинулась к окну. Женщина стояла на скамеечке, поджав ногу, с видом жертвы, которая вот-вот подождет и вторую ногу, а там будь что будет... Элька присмотрелась: в метре от ноги страдальцы сидела рыжевато-серая крыса с вьющимися усами и длинным голым хвостом.

– Кризли, бедняжка! Как ты туда попала?

Элька накинула курточку и в домашних тапках выскочила во двор. Женщины уже не было, а на том месте, где она только что танцевала «польку цапель», сидел грустный мальчик с Элькиной любимицей на коленях.

– Только попробуй обидеть ее! – крикнула Элька, бросившись к мальчику. Тот удивленно поднял голову. – Она... она, как человек. Только лучше! Она умеет разговаривать, поет, танцует, считает до десяти, кланяется...

Элька осторожно подсунула ладошку под нежное брюшко Кризли и, подняв, расцеловала ее.

– Бедная малышка! Сначала Аннабель тебя чуть не прихлопнула толстой книжкой, потом Рон хвост прищемил, теперь дура-тетка до смерти напугала! Обещаю тебе, что мой следующий день рождения мы проведем с тобой вдвоем. В кафе. Или в лесу... Только, тогда уж, конечно, с мамой и папой. И Аннабель с Роном, так и быть, позовем. Хотя они этого – правда ведь? – совершенно не заслуживают.

Элька сунула Кризли подмышку (смешно: мышка подмышкой) – и шагнула в сторону подъезда.

Мальчик закашлялся.

– А ты почему спать не идешь? Уже поздно и холодно... – спохватившись, обернулась Элька. – Простудись... Смотри, как ты кашляешь.

– Т-ты ведь... ты т-тоже не спишь... – тихо промолвил мальчик.

– Я... я за Кризлюшей спустилась, сейчас вернусь, накормлю ее, и ляжем. На моей кровати. Вместе. Обычно мама не разрешает, но сегодня у меня день рождения. А у тебя когда? Тебе сколько лет?

– Нне п-пш-помню, – прошептал мальчик и опустил голову.

– Но ты же помнишь, сколько свечек задул на последнем именинном торте? Одну? Десять? Сто? – Элька засмеялась.

Странный мальчик словно не слышал ее. Элька возмутилась.

– Каждый человек знает, сколько ему лет. Я вот, например, помню все свои дни рождения... после трех лет, конечно... Сначала они были веселые, а потом все хуже и хуже. А сегодняшний... он самый... самый... – Элька чуть снова не разрыдалась. – Хуже не бывает...

– Бывает.

– Что ты понимаешь? Вот скажи: тебе когда-нибудь дарили восемь одинаковых подарков? Мальчик пожал плечами.

– Ни одного подарка? Никогда? – Эльке стало стыдно. – Совсем-совсем? Даже малюсенького?

Мальчик не ответил.

Элька еще больше расстроилась.

«Ну что же это такое на свете происходит? Ночью на скамейке сидит грустный мальчик, который не знает, сколько ему лет, и не получил ни одного подарка за всю свою жизнь?»

– Тогда... тогда знаешь что? У меня есть для тебя... кое-что! Домик! Он, правда, картонный и весь белый, но его можно раскрасить. Превратить в деревянную избушку, хрустальный дворец, каменную башню. У окошка принцессу посадить или злую колдунью. Можно муравейник из него сделать или пещеру. Или обычную квартиру, однокомнатную...

– В ней можно будет жить? – тихо спросил мальчик.

– Ты поместишься. Я – нет. – Элька посмотрела на нового знакомого в упор: не проскользнет ли хотя бы тень насмешки. Если да – пусть мокнет тут до следующего дня рождения, и пусть ему и через год никто ничего не подарит.

– Уже поздно. И потом... я... я ведь без подарка, – почти прошептал гость.

– Ну и что! Ты мне сделал подарок, вернул Кризли. Мог бы забрать ее, оторвать ус, сломать лапку, убить. Это – лучший подарок из всех сегодняшних! Теперь моя очередь. Будем считать, что сегодня и у тебя день рождения. А спать можешь... в кресле-кровати. Правда, там тоже подарки, но... перетащим их на балкон. Только не забудь отпроситься: твои родители будут волноваться.

У Эльки стремительно поднялось настроение. Вот это приключение! Кризли помогает родителям выпроводить застрявших в прихожке гостей (она всегда пробегает мимо в этот момент, а если ее не замечают, якобы случайно прижимается к туфле самой болтливой из дам). Неизвестный мальчик спасает умную крысу от истеричной тетки. Ну а Элька... Элька вызывает бесстрашного героя с добрым сердцем из паутины, сплетенной злобными паучихами по имени Темнота, Воспаление Легких и Голодная смерть... И пусть у нее куча одинаковых подарков, разве в этом дело? Во-первых, подарков уже не восемь, а семь. Во-вторых, в каждом празднике главное не то, чем он похож на другие, а то, чем отличается от них. И иногда малюсенькое приключение стоит целой горы долгожданных подарков.

– Меня зовут Элька, а тебя?

– Маню, – тихо ответил мальчик.

– Нашего хомячка так звали. Маню. Моисей, что ли? – не сдержавшись, хохотнула Элька. Маню не ответил.

– Ладно! – сказала Элька, чтобы странный мальчик не передумал скрасить ей худший день рождения в жизни. – Пойдем к нам, а то все трое простудимся. – Элька взяла Маню за руку и повела к воротам своего дома.

– Твоя мама... она меня выгонит, – остановившись на пороге Элькиного дома, сказал Маню.

– Ты что? Разве гостей выгоняют? И потом, кого-кого, а уж моих родителей можешь не бояться. Им все равно. Они сами... как дети. – Элька усмехнулась. – Но, если хочешь, я спрошу.

– Я здесь подожду, ладно?

Элька снисходительно кивнула и вошла в дом. Увлеченные телешоу, родители хохотали так громко, что Элька могла бы незаметно провести в свою комнату не одного тихого, а дюжину крикливых мальчишек, но она дала Маню слово...

– Папа, помнишь, ты рассказывал, как страдал, когда дедушка не пускал в дом твоих друзей. Ты не шутил? – издали начала Элька.

– Не только папа, но и я ссорилась из-за этого с родителями. Два раза даже из дому убегала, – сказала мама. Отец был поглощен происходящим в телящике и не отреагировал. – Эрик, ты слышишь? Ребенок к тебе обращается!

Отец с трудом оторвался от магического серебристого параллелепипеда.

– А в чем дело? Только быстро!

– Я пригласила к нам одного очень хорошего мальчика, вы не против?

– Конечно, только не завтра: завтра мы идем к стоматологу, – как всегда, за папу ответила мама.

– И не послезавтра, – вставил-таки папа. – Я купил вам билеты в цирк!

– Значит, в любой другой день – можно? Тогда я сбегаю за ним. Он тут, у подъезда. – Элька повернулась, чтобы побежать за мальчиком, но грозный голос отца остановил ее.

– Уже поздно, тебе давно пора спать! Все дети в это время должны быть в постели!

– Значит, Маню тоже? Он ведь еще ребенок. А у Аннабель освободился диван!

– Вот пусть и ложится вовремя – у себя дома!

– У него нет дома...

– Ты слышишь, Рина? Ей нет и десяти, а она уже водит мальчиков. И каких? Бездомных, беспородных...

– Эрик, как ты можешь? – возмутилась мама, но, вспомнив про Эльку, осеклась и незаметно махнула ей рукой: мол, иди, зови приятеля, с папой я все улажу.

Элька бросилась было бежать, но невольно остановилась за дверью и прислушалась. Она знала, что это нехорошо, но ничего не могла с собой поделать...

– Ты не понимаешь, какую ловушку нам – и ей! – устраиваешь, – проворчал папа. – Сейчас ей девять, но если мы разрешим сегодня, в шестнадцать лет она приведет на ночь великовозрастного верзилу, – и как ты объяснишь ей, что ситуация несколько... хм-мм... изменилась. Почему она не может, как все другие девочки, рукодельничать, заниматься спортом, расширять кругозор...

– Во-первых, твоей дочери не девять, а десять. А во-вторых... бедный ребенок только тем и занимается, что кругозор расширяет! – мягко сказала мама. – Целыми днями у компьютера торчит или книжки читает. Потому что в секцию тенниса, сам знаешь, ее не приняли. И в танцевальный кружок. И даже в художественную школу: а ведь у нашей девочки талант!

– Вот пусть и развивает его, рисует, читает о великих художниках. А не с мальчиками развлекается... Да еще ночью...

– Эрик, я давно хотела с тобой об этом поговорить. И рада, что этот разговор, наконец, состоится.

– А может, завтра? – попросил папа, и телевизионный конференсье заорал на весь дом.

– Нет, сегодня. Сейчас, – сказала мама – и конференсье споткнулся на полуслове. – Ответь мне: ты когда-нибудь задумывался о том, почему мы берем на себя право разрешать что-то детям или запрещать?

– Как это почему? Мы – взрослые, у нас... э-ээ... опыт, образование. Мы их родители, в конце концов. Кормим их, поим, одеваем, прихоти их исполняем... То есть заслужили право контролировать... Странные однако вопросы ты задаешь, дорогая.

– По твоей логике выходит, что тот, кто сильнее – неважно, физически или финансово – тот и хозяин положения...

– Ну, в некотором роде это так... – папа даже растерялся от того, что мама пытается опровергнуть аксиомы. Вещи абсолютно очевидные...

– А теперь представь, какая нас ждет старость, если твоя логика верна! – голос мамы почти дрожал. – Когда мы станем старыми, немощными, одинокими – а одному из нас это грозит реально, пусть мы пока и не знаем, я это буду или ты. Надеюсь, что ты. И вот, когда ты в один прекрасный день вздумаешь привести домой друзей, возможно, и с ночевкой, твои сильные, обеспеченные, здоровые дети откажут тебе в этом, потому что им это... неудобно, неприятно, потому что у них другие планы или просто плохое настроение. Ты смертельно обидишься, верно? А чем, скажи, ты или я, – чем мы отличаемся от наших юных дочек? Они – не часть нас, не придаток, не отросток, они – отдельные существа, имеющие право на свое мнение, свои привычки и свои ошибки. Наше дело – предостеречь, научить, воспитать. Но не выбирать за них, не решать за них, не жить вместо них...

... Через час окна в доме были погашены и все его жильцы крепко спали. Мама с папой – в их спальне, Маню – на стареньком диванчике Аннабель, а на узкой кровати – святая троица: в середине – Элька, у ее левого уха – Кризли, у правого – котенок, который чувствовал, что именно в этом доме он обрел любовь, заботу и долгое безмятежное счастье... А в Элькином тапке на капустном листе спал, свернувшись калачиком, слизняк Рири, довольный тем, что все дома и ни о ком не надо беспокоиться.

Спала и Элька, но – вполглаза, как курица, которая накормила и обласкала всех своих цыплят. Кроме одного, самого непослушного. Цыпленка по имени Джо.

Глава 4. Джо

На самом деле его звали Джонатан Тиллер Мак-Кинли, сэр... Но так он позволил называть себя, когда они подружились. А сначала Элька звала его, как и все, церемонно – Джо.

Они познакомились год назад, в пятницу, на Рыночной площади. Джо играл на огромном контрабасе и широко улыбался прохожим. Элька замедлила шаг, послушала минуты две (а она очень спешила!) и подошла к нему, чтобы положить монетку, но вдруг обнаружила, что класть ее некуда. Ни баночки, ни перевернутой шляпы, ни раскрытого футляра для контрабаса – ничего. Элька растерянно протянула монетку ему, но музыкант только покачал головой и погрозил ей указательным пальцем – длинным, как ее бамбуковая волшебная палочка. Элька обиженно сунула монетку в сумочку.

– Я играю для души, а не для денег, – улыбнулся ей Джо и протянул ей руку. – Джо. А тебя как зовут?

– Элька. Для друзей. Для мамы и бабушки Дюшель – Лолли, для папы – Элеонора, для Аннабельки – Элькин. А тетушка Фанни зовет меня Элишей.

– У тебя еще больше имен, чем у меня, – пробормотал Джо и громко добавил, – Рад знакомству, Элька.

В понедельник, когда Элька бежала к учительнице рисования, она водрузила на нос огромные черные очки, а на голову – невообразимую по величине и цвету шляпу – и, пробегая мимо Джо, виртуозно «выронила» пять блестящих монеток так, что они прикатились точно к его ногам. Элька мчалась прочь с такой скоростью, что у нее замерзли щеки. Когда через два дня она чинно шла мимо Рыночной площади к остановке и притормозила около Джо, он с невозмутимым видом протянул ей горсть монет.

– Больше никогда так не делай, девочка. Хорошо?

Элька молча кивнула.

– Джо, но тебе нужно купить себе новые ботинки: эти уже каши просят. И на рубашке нет пуговиц. Хочешь, пришью? Ты где живешь? Завтра у меня... музыка, тут, недалеко... – Элька поморщилась.

– Не любишь музыку? – удивился Джо. – А мне казалось...

– Учительницу.

Джо понимающе кивнул.

– Строгая?

– Вредная. Кошек пинает. Маленьких таракашек пальцами давит. Морских свинок ненавидит.

– Кто ж их любит? – хитро усмехнулся Джо.

– Я. Правда! Я всех люблю, даже кусачих и ядовитых. Они же не сами выбрали это. Была б возможность – все стали бы милыми, обаятельными, умными... И стройными. – Элька расстроилась: неужели и он... – Ты только представь, Джо, что ты родился пауком или... мухой навозной. И все-превсе тебя ненавидят. Смеются, плюют в твою сторону, толкаются, обзывают жир... – Элька осеклась.

– Невеселая картина, ты права, девочка, – сказал Джо, помолчав. – Мы сами себе проблемы устраиваем. Сначала придумаем врага, потом... – Джо покачал головой, отказываясь от зажатых в кулак монет очередного сердобольного прохожего. – Про крыс-то ты откуда знаешь? Ну... что твоя музыкальная мадам их ненавидит?

– Когда Кризли выскочила из капюшона моей курточки, она двумя пальцами швырнула бедняжку в угол. За ногу, представляешь?

– Что за Кризли? – поинтересовался Джо.

– Подружка моя. Самая лучшая! – Элька блаженно улыбнулась, но через миг кулачки ее сжались, лицо исказилось. – Она как маленький человечек... Как... как ребенок. И она этого ребенка... за хвост. Ненавижу ее, ненавижу!!!

– Так найди другую.

– Меня все отказываются учить... – Элька криво усмехнулась. – Бабушка Дюшель говорит, что меня словно кто-то... заколдовал. В художественную школу не приняли, в балетную тоже. Ну – это понятно... – Она в упор посмотрела на Джо, но его лицо оставалось непроницаемым. – И эта... Дора... говорит, что мне медведь на ухо наступил, но ради тетушки Фанни она готова пожертвовать своим временем...

Джо так удивился, что перестал играть.

– Тетушка нянчится с ее близняшками, и та, вместо того чтобы платить деньги, учит меня музыке. Вернее, наоборот: за то, что она учит меня, тетя Фанни нянчится с ее невоспитанными крикливыми дочками. А еще тетушка шьет кошельки и продает их... тут, недалеко... Я иногда ей помогаю. А деньги она делит пополам: мне – для кистей, красок, холстов – и сестре: Аннабель ходит к логопеду. Она «л» не выговаривает.

– А «р»? – Джо строго посмотрел на старушку, которая собиралась бросить к его ногам монетку, и продолжил, – букву «р» выговаривает?

Они оба засмеялись. Потому что, если кто-то в Весенних Холмах выговаривает эту букву, – значит он ее не выговаривает. И наоборот.

– Так я несу завтра иголку и нитки, хорошо? У тебя бывает... перерыв? На обед? Заодно поешь моих пирожков: меня бабушка научила стряпать. – Элька вздохнула. – Ты близко живешь?

– А разве мама не предупреждала тебя, что к незнакомцам домой ходить опасно? – Джо нахмурил брови.

– Ну какой же ты незнакомец? – Элька растерялась. – Ты... Джо, тебя все знают...

– Все никого не знают. Себя-то не знают, а уж других... Но! – Джо поднял указательный палец и подмигнул девочке. – В каждом правиле ровно столько исключений, сколько человек берет его на вооружение. И если ты не стесняешься пришивать пуговицы на виду у всех, в центре города, – неси иголку и нитки сюда.

– А, может, тогда... ты к нам придешь? Мама будет рада. Или мы с мамой – к тебе?

– Милости просим! Это недалеко, в парке за гостиницей «Марина». У меня там шалаш. Зимой, правда, прохладно бывает, особенно ночью. Но до зимы еще далеко...

– Как, Джо, ты и зимой ночуешь в шалаше? А одеяло у тебя есть? Мне купили новое, а мое любимое, мягкое и теплое, хотят выбросить. И знаешь почему? На него Глорию, нашу прежнюю кошку, стошнило, всего-то два раза...

– И где она сейчас? – Джо ткнул пальцем в небо.

Элька засмеялась.

– Сбежала. Мама даже немножко расстроилась, а папа сказал, что только теперь наша Глория узнает, что такое настоящее счастье. «Я бы тоже на ее месте предпочел изобилие помоек осточертевшему сухому корму», говорит он. Так что с одеялом? Ты не брезгливый, Джо?

– Брезгливый, когда общаюсь с неприятными людьми. Какого оно цвета? Я синий не переносу.

– Успокойся, желто-зеленое, очень красивое... Я бы ни за что с ним не рассталось, но... В общем... дарю его тебе, Джо! И тонкий матрасик у нас есть, старенький, правда, но с магнитными шариками. Для спины. Дли-и-нный.

– Мне длинный ни к чему, – сказал Джо и подмигнул девочке. – А шарики – это хорошо: спина будет счастлива!

– Моя тетушка Фанни тоже страдает от болей в спине, но лечится исключительно народными средствами. «Я использую последние достижения ветеринарии», – передразнила Элька тетю Фанни. Знаешь, что это значит? Она спит на огромной кровати, уложив рядом с собой Молли и Долли. Когда она поворачивается на левый бок, спину греет Молли, когда на правый – Долли.

– Молли и Долли – ее престарелые сестры или дочери, старые девы?

Элька рассмеялась.

– Собаки, лабрадорихи. Тетушка завела их, когда книжная полка упала на коробку со всеми ее пятью парами очков. И теперь, если ей нужно выскочить в магазин, а меня нет, – она берет их за поводки и втроем они шествуют по Городу. Причем, если Долли тащит ее влево, Молли – непременно вправо. И наоборот...

– А идти нужно совсем в другом направлении, верно? – хмыкнул Джо.

– Как ты догадался? Тетя Фанни знает, что если Долли тянет влево, а Молли вправо, идти нужно прямо. «Мне это удобно, – говорит тетя. – Отвергнуть можно все, но куда полезнее попробовать примениться к обстоятельствам».

– Мудрая у тебя тетя, хотел бы я с ней познакомиться... – Джо почесал в затылке и, отклонив очередное пожертвование, начал новую мелодию.

– Она тоже будет рада, Джо. Она такая одинокая... Когда дети выросли и разъехались, они с дядей Лео продали виллу и переехали в Весенние Холмы, поближе к нам. А когда дядя Лео наконец умер...

– Наконец? – Джо поднял брови.

– Папина шутка... Он терпеть не мог дядю Лео, и когда того загрыз леопард в зоопарке, папа сказал, что молодчина леопард просто опередил его...

Джо хмыкнул.

– Тяжелый характер?

– У нас у всех мужчин в роду такой... Да и у женщин... – Элька расхохоталась. – Тетя Фанни долго плакала, а потом обзавелась лабрадорихами и немножко успокоилась.

– Да... одной в большом доме кисло...

– У нее во дворе есть летний домик, деревянный, совсем крошечный. В праздник шалашей папа накрывает крышу пальмовыми листьями и вешает гирлянды разноцветных лампочек, а я украшаю стены елочными игрушками и мишурой. Мы там едим, спим, встречаем гостей. Я помогаю тетушке готовить еду, сервировать стол, подавать блюда, потом мою и вытираю посуду, подметаю...

– Ты хотела сказать, вы с сестрой по очереди? – Джо не ждал ответа, он его знал.

– Аннабель всегда некогда. Утром – школа, после обеда – танцы, хор или английский язык. А вечером по четным дням теннис, а по нечетным – логопед...

– А ты, значит, у нее в прислугах, верно?

– У меня нет таланта. – Элька опустила голову. – Ни к чему... Я люблю рисовать, но, когда мы пошли записываться в художественную школу, директор сказала маме, что не стал бы на ее месте тратить деньги на обучение абсолютно бездарного ребенка.

– Вот идиоты! – Джо стукнул кулаком по контрабасу, но тут же, словно извиняясь, погладил его ладонью. – Нет на свете бездарных людей. Все талантливы. Более того – гениальны. Все до единого! Только надо найти, в чем именно. На это уходят годы, иногда – целая жизнь. Бывает, что и ее не хватает – и тогда человеку дается возможность продолжить поиски себя в следующей жизни, и в следующей, и снова, и снова, пока не найдет и не реализует свой талант. Иначе Всевышнему незачем было бы создавать такое количество людей. Сотворил сотню-другую талантливых, остальным не позволил бы родиться. Но он позволяет! Значит, видит в этом смысл!

Элька раскрыла было рот, чтобы возразить, но промолчала.

– А теннисом ты не пробовала заниматься? У тебя прекрасный глазомер и потрясающая реакция. Так точно прикатить монетки мне под ноги, на бегу, и с такой скоростью умчаться, – это талант!

– Тоже не взяли. Сказали маме, что пока я подниму с корта шарик, мой противник замерзнет... Пусть, говорят, сначала похудеет, а там посмотрим.

Элька пристально посмотрела на Джо, но лицо его было по-прежнему невозмутимым.

– Какая чушь! Ты – красавица, Элька! Я давно не видел такой красивой девочки.

– В моем брюхе может затеряться стадо бизонов...

– Кто сказал тебе эту глупость?

– Рон, мой двоюродный брат. Я вешу сорок во...

– Ой, ой, – закричал хитрый Джо и схватился за голову.

– Что с тобой? – Элька растерянно оглянулась.

– Моя голова!!! Моя бедная голова... Ну, и долго ты будешь так стоять? Там, в кармашке, таблетки и сок... – Джо кивнул на сумку. – Я не могу наклониться...

Элька судорожно вытасила крошечную пилюлю и протянула Джо.

– Можешь считать, что спасла меня от смерти! – подмигнул Джо и проглотил таблетку. – Теперь я у тебя в долгу!

Элька стояла, не зная, как поступить. Она уже опаздывала, но оставлять человека, который только что чуть не умер от боли, казалось ей не совсем удобным.

– Беги, девочка, мне уже лучше. Удивительные таблетки: минута – и боли как не бывало! Если хочешь, можешь взять себе пару-тройку. Они не только от боли, но и от плохого настроения. Бери-бери, у меня этого добра много! Понадобятся – нигде больше не найдешь!

– Но ты-то нашел?

– Так то я... – Джо ухмыльнулся. – Ладно, открою секрет. Недалеко от моего построила свой шалаш женщина, которая до увольнения работала в фармацевтической фирме и натаскала коробки этих пилюль. Соорудила себе из них стол и стул, даже под матрац их уложила длинным прямоугольником. Производство этих препаратов прекратили, нашли какие-то страшные побочные явления. Но я-то точно знаю: конкуренты подсутились. Подкупили... свидетелей. Фирму, как ты понимаешь, закрыли, продукцию уничтожили. Но ты же знаешь наш смекаливый народ... Мы с ней перетаскали коробки из мусорки в ее шалаш. Она и со мной поделилась.

– А от чего они? – переспросила Элька.

– Написано, что снимают боль. Но это, если запивать их водой. Лилия обнаружила, что если растворять их в теплом лимонном соке, они становятся панацеей.

– Как это?

– Помогают почти от всего. Но! – Теплая бамбуковая палочка уперлась в небо – Лишь тем, кто в это поверит. Она сначала попробовала на себе, потом – на знакомых, так и пошло... Мертвых возвращала с того света! Уж как некоторые их родственники были ей благодарны! – Джо подмигнул Эльке. – Особенно если воскресал... миллионер...

Элька засмеялась.

– Между прочим, к ней сейчас почти невозможно записаться. Но, если понадобится, так и быть, сделаю вашему семейству протекцию! Это снадобье чудеса творит: безголосые начинают петь, слепые видеть, полные худеют, у лысых отрастает пышная шевелюра, сутулые распрямляются. У стариков молодеют глаза и кожа, психи успокаиваются, у вялых и апатичных огонь пляшет в глазах. Словом, сама понимаешь...

Элька отказалась было, из вежливости, но в последнюю секунду передумала: вдруг поможет тете Фанни вернуть зрение, отцу – покончить с ежемесячными ангинами, ну а ей самой... избавиться от... от... – Элька встряхнула головой и неприятная мысль соскользнула с ее каштановых волос и укатилась прочь. Этому научила ее бабушка Дюшель.

Глава 5. Господин Невидимка

Почти в самом начале своего компьютерного маньячества бабушка Дюшель «подсела» на сайт, который назывался «Магия: онлайн-превращения».

Она внимательно прочитала инструкцию, выбрала существо, в которое надумала превратиться, тщательно изучила пошаговую инструкцию возвращения в родное тело после волшебного эксперимента – и принялась за дело. Из длинного перечня птиц, насекомых, млекопитающих, пресмыкающихся, земноводных и так далее она выбрала хорошенького медвежонка панду и превратилась в точно такого же. Надо сказать, что на всякий случай бабушка – не предусмотрительный папа и не трусливая мама, а легкомысленная старушка! – оставила записку с подробным объяснением того, как вернуть ее из чужого тела назад. И, конечно, поставила таймер на три минуты. На всякий случай. К счастью, эксперимент прошло без сучка и задоринки. Осмелев и почувствовав себя уверенней, бабушка трижды в течение часа превращалась в птичку колибри, страуса эму и гиену.

Она зашла на форум сайта и с восторгом описала серию метаморфоз. Все ее поздравляли, расспрашивали, завидовали, делились своим опытом удач и неудач. А один блоггер, вежливо поздравив ее, намекнул о том, что владеет тайной превращения... в невидимку.

– Не верю, – написала ему бабушка. – Даже динозавром или птеродактилем стать проще.

– Хотите подтверждения? – спросил незнакомец.

– Хочу! – ответила бабушка. И через минуту обнаружила, что кто-то в ее кухне включил газ, поставил джезvu с водой на огонь и стал греметь дверцами шкафчиков в поисках кофе.

– В правом нижнем, у окна, – пробормотала бабушка, и тут же открылся именно правый нижний, оттуда, покачиваясь, поплыла к столу баночка кофе, крышка медленно отвинтилась и ложечка сама, зачерпнув три раза кофе, понесла его в кипящую воду.

– А... меня вы этому научите? – спросила бабушка. И тут почувствовала толчок в спину, потом кто-то взял ее под руку и подвел к компьютеру. Она увидела, как стрелка мышки подползла к самому неприметному квадратику на сайте, на котором ничего не было написано.

Она нажала на эту кнопку, и – после длинной назойливой рекламы чудо-матрасов, суперкроссовок и магических ложек, снижающих аппетит, появилась инструкция: «Стань невидимкой». Бабушка подвела стрелку к ярко-красной кнопке, на которой жирными белыми буквами было написано «начало» – и готова была нажать.

– Не пожалеете? – услышала она прямо над ухом приятный голос.

– Есть риск? – парировала бабушка.

– Жмите! – выдохнул гость.

Бабушка нажала на кнопку, совершила несколько действий и произнесла не меньше десятки заклинаний, но ничего не произошло. Она оставалась все той же старушкой, весьма еще привлекательной, но морщин и старческих пятен на руках при всем желании не скроешь...

– Так я и знала! – огорчилась бабушка.

– А вы выйдите из дома и попробуйте купить что-нибудь... в супермаркете, – хохотнул невидимка.

– Только вместе! – помедлив, сказала бабушка.

– Не доверяете мне даже теперь, когда я могу войти к вам и все вынести, оставшись незамеченным?

– Именно теперь!

Супермаркет был полупуст. Бабушка Дюшель взяла коляску и стала кидать в нее продукты. Проходившие мимо люди с несказанным удивлением смотрели на ее коляску, словно она насажала туда живых кенгурят.

Подъехав к кассе, бабушка собралась платить, но кассирша, глядя мимо нее, кричала: «Граждане, чья коляска? Заберите ее от кассы, она мешает мне работать!»

Бабушка бросила коляску и с пустыми руками направилась к выходу. Навстречу ей шла соседка с верхнего этажа.

– Добрый день! – поприветствовала ее невидимая старушка. – Как ваше здоровье? И была несказанно удивлена пустым взглядом и молчанием в ответ. Более того, эта интеллигентная дама, бывшая учительница сольфеджио, грубо толкнула ее, даже не извинившись.

– Неужели... – Сердце бабушки учащенно забилося. – Вы... здесь, господин Невидимка?

– Где ж мне еще быть?

– А... у вас никогда не было... ну, то есть, вы всегда потом возвращались в свое тело?

– Вначале случалось... То нога недопревратится, то голова видна, а туловище нет.

Но потом наострился... И у вас будет получаться!

– Хотелось бы верить...

– Ну что ж... Разрешите откланяться? – попрощался гость.

– Разрешаю, – милостиво пробормотала бабушка. Только... только как же я узнаю, что вы действительно... откланялись?

– Все еще не верите? – Голос ухмыльнулся. – Но ведь и вы, когда научитесь, сможете посещать меня в мое отсутствие. Почему же я этого не боюсь?

– Верно... И все же... Вас не затруднит появиться перед камерой живьем минут этак... через семь? – бабушка полезла в карман за ключом.

– Слово коллеги – закон! – крикнул голос незнакомца и, уже издали, добавил. – Кстати, вы – единственная, кроме меня, конечно, у кого этот трюк получился!

«Единственная!» – сердце у бабушки остановилось, потом пустилось в пляс. Вернувшись в свое тело, она убедилась, что то же сделал и ее недавний гость, и рассмеялась.

С тех пор, желая узнать, кто что о ней на самом деле думает, она регулярно превращалась в невидимку, чтобы «навестить» родственников и старых подруг: в результате, наслушавшись «заспанных» разговоров, она рассорилась со всем миром, кроме любимой внучки, и поклялась отомстить злым сплетникам. Потом остыла, всем все простила и даже просила у них прощения.

– А я-то разве не такая? И кто, скажите, не такой? Если б человечество не имело обыкновения сплетничать и злословить, оно бы сдохло от скуки, – говорила бабушка внучкам. – О чем еще и разговаривать целые дни напролет, если не о ближних? Говорить хорошее скучно. Оно такое... безликое. А плохое будоражит и заставляет кипеть кровь. Тогда и выделяется та мощная энергия, которой не хватает Космосу и которой он с аппетитом питается.

Как раз в те дни господин Невидимка и научил ее превращать в предметы, живые существа и делать невидимыми других людей.

Это оказалось делом не только не сложным, но и увлекательным. Особенно нравилось ей превратить кого-нибудь в смешное или страшное существо и тут же вернуть назад. Только одна вещь пока никак не получалась у бабушки Дюшель: превращать в невидимок других, особенно на глазах у окружающих, которые решили бы, что у них поехала крыша.

Так бы все и шло, если б однажды не случилось непредвиденное. Еще задолго до того как Эльку не приняли в художественную школу и она перестала рисовать, бабушка Дюшель упорно дарила любимой внучке дорогие краски и кисточки, мольберты, компьютерные программы для художников, диски с работами известных живописцев, билеты на выставки местных и заезжих знаменитостей. Вот и на тот день рождения – девятый – бабушка увидела в магазине на Рыночной площади набор разноцветных пастельных мелков. Подошла к кассе, чтобы заплатить, как вдруг в магазин вошла ее знакомая, с которой бабушка предпочитала не общаться.

Магазинчик был маленький, так что проскочить мимо нее незамеченной у бабушки не было шансов. Все было бы хорошо, если бы она стала невидимкой и дождалась их ухода. Но она так растерялась, что вместо этого превратилась в осу и с громким жужжанием начала кружить вокруг люстры.

В эту минуту в магазин ворвался бледный мужчина с безумным взглядом. Ни на кого не глядя, он подбежал к картонному домику на прилавке около кассы, быстро нарисовал на нем какую-то закорючку и... исчез.

Пытаясь разглядеть закорючку, одна не в меру любопытная оса подлетела к домику и села на что-то красное.

Покупательница в красном платье истошно завизжала. Продавщице пришлось скрутить газету в трубочку, чтобы выгнать незваную гостью. С перепугу бабушка-оса юркнула в картонный домик. Такие обычно покупают детям, чтобы те могли раскрасить их по своему усмотрению, превращая – кто во дворец принцессы, кто в тюрьму, кто в магазин.

Внутри домика было темно, и понадобилось время, чтобы глаза начали хоть что-нибудь различать. К несказанному своему удивлению, бабушка Дюшель вдруг обнаружила, что перед ней – высоченные ворота незнакомого Города. Препятствие, которое для человека, собаки и даже курицы было бы непреодолимым, бабушка-оса преодолела в считанные секунды. Легко перелетев через каменное ограждение, она села на ветку дерева, покачалась, уселась на балкон невысокого дома, затем – на диковинную шляпу местного жителя – и тут же, сбитаемая чем-то огромным и круглым без признаков жизни упала на что-то твердое, но теплое. Так и завершился бы ее земной путь, бесславно и печально, если бы это твердое и теплое не оказалось ладонью приятного господина весьма благообразной наружности.

Бабушке Дюшель всегда везло. Повезло и тут.

– Ох, я тебя сейчас... газетой! – услышала бабушка льстивый голос и замерла от ужаса, приготовившись к неминуемой, но, слава богу, кажется, мгновенной смерти.

– Не надо, – возразил другой голос, уверенный, мужественный и невероятно красивый. – Это – живое существо, не ты его создал, не тебе и губить.

– Но ведь она... она вас укусит, – пролепетал первый голос.

– За что? Я ей зла не желаю. Наоборот. Видишь, уже крылышками шевелит. Головку подняла... Лети, милая, и больше нашим друзьям под тыквы не попадайся.

Он легонько дунул на бабушку-осу, и она, встрепенувшись, взлетела. Сделала вокруг него несколько пируэтов и, убедившись, что красивый мужественный голос принадлежит красивому мужественному человеку, улетела. «Спасибо тебе, мой Повелитель!» – прошептала бабушка оса. Сердце ее было отныне навеки отдано этому благородному господину. Сердце, а вместе с ним – любовь и бесконечная преданность.

Он вошел в высокое светлое здание – и она, не удержавшись, влетела вслед за ним.

Это была школа, но не из тех, куда родители с трудом загоняют детей по утрам. Видно было, что дети счастливы там учиться, если слово «учиться» тут уместно. Первый же класс, в который он вошел, поразил ее до глубины души. Во-первых, дети сидели на полу, на пушистом коврикe, ели мороженое и хохотали. Когда вошел гость, они вскочили – учительница тоже – и кинулись обнимать и целовать его.

Он сделал незаметный знак сопровождающим, и все они сели на коврик вместе с детьми.

– Продолжайте! – шепнул он учительнице. – Не обращайтесь на нас внимания.

Она улыбнулась и продолжила.

– Это всегда верно, как вы думаете? Дважды два – всегда четыре?

– Да! – хором закричали дети.

– То есть, если мы возьмем две пачки чипсов и добавим еще две, будет четыре, так?

– Так, – закричали дети.

– А если мы к двум пачкам мороженого добавим еще две, будет... сколько?
– Че-ты-ре! – крикнули дети.
– Хорошо. Ну, а если мы... капнем в тарелку две капли подтаявшего мороженого и добавим еще две, будет тоже четыре?
– Да! – сказали дети.
– А вы подумайте! Представьте себе эту картину. – Кап, кап, кап, кап... Сколько получится?
– Четыре, – закричали дети.
– А ты что скажешь, Ники? – обратилась она к девочке, которая промолчала. – Ты тоже думаешь, что будет четыре?
– Я попробовала – и у меня получилась... одна, – растерялась девочка. – Одна большая капля...
– Ники права, ребята. – учительница встала, открыла холодильник и достала четырнадцать порций мороженого в вафельных стаканчиках. – А ну-ка, попробуем все!
Ученики стали усердно капать на пластмассовые тарелки капли мороженого.
– Одна! Одна! – раздалось со всех сторон.
– А теперь доедайте мороженое, а я угощу наших гостей. – Она достала еще несколько вафельных конусов и предложила гостям. – Но я не хочу, чтобы вы решили, что дважды два – равно одному. Я хочу, чтобы вы поняли, что в каждом правиле есть загадка, разрешить которую полезно и...
– ... вкусно! – закричали ребята.
– А теперь вы постараетесь вспомнить, что еще опровергнет это правило...
Повелитель встал, за ним поднялись и сопровождающие.
Бабушка-оса, не удержавшись, лизнула мороженое из тарелки умницы Ники с большой каплей и под восторженные возгласы детей вылетела из класса вслед за своим любимцем.
– Не забудьте, что сегодня на центральной площади у нас городской бал, – обернувшись на пороге, сказал гость. – В наш Ир-Ирон приехали новые семьи, так что постарайтесь, чтобы им было весело и приятно с вами. Приводите мам, пап, бабушек и дедушек, братишек и сестреночек. Всем хватит сладостей и подарков!
Ура!!! – закричали дети хором.
– Идите проводите нашего Правителя, ребята, и возвращайтесь в класс.
– Ой, здорово! Снова бал! – раздалось восхищенные возгласы.
Гурьбой, стараясь быть как можно ближе к высокому гостю, дети вышли из класса.
«Правитель! – ахнула про себя бабушка Дюшель. – А ведет себя, как... старшекласник, забежавший на урок к младшему брату. Нет, не зря я его полюбила с первой минуты»...

И тут бабушка Дюшель остро почувствовала надвигающуюся опасность. Она еще не знала, откуда ее ждать – с неба, где летают круглые штуки, способные свалить с ног не только насекомое, или... от этого старика, который подошел к ее новому Повелителю и, противно ослабившись, прошептал ему что-то. Тот, жестом успокоив насторожившихся было телохранителей, отошел со стариком за угол, и тут же четверо в масках напали на него, заломили руки за спину, залепили рот скотчем и, силой затолкав в длинный автомобиль, увезли в неизвестном направлении. Это было сделано так быстро и тихо, что никто этого не увидел. Кроме нее. Крошечной осы, от которой теперь зависело благополучие этого замечательного человека, а может быть – и жизнь.

Разумеется, бабушка передумала возвращаться домой. Она влетела в окно машины и юркнула под воротник рубашки своего любимца. Не прошло и трех минут, как тюремные охранники – а это были они – вытащили беднягу из машины, проволокли по длинному узкому коридору и швырнули в темную сырую камеру. Не успела она выбраться из-под воротника

и покружить по камере в поисках какого-нибудь тайного лаза или... связки ключей, забытых рассеянным надзирателем, как услышала голоса за дверью.

– А если он выберется отсюда и отомстит нам? – прохрипел первый голос.

– Не выберется! – успокоил его второй голос. – Отсюда так просто не сбежать! Разве что зубами перегрызть решетки... Не бойся, в лучшем случае он проживет неделю... Если очень повезет... Не думаю, что, став Правителем Ир-Ирона, Фаффер помилует своего злейшего врага! Если уж его красавицу жену не пожалел...

Несколькими ключами они закрыли несколько дверных замков на несколько оборотов и отошли от камеры.

«Неделя? Да мне и минуты хватит! – бабушка-оса презрительно пошевелила усиками. – Итак, вспомним уроки Господина Невидимки».

Она сложила лапки и тоненько завывала: «БииААООэ...». Она обернулась. Ее любимец лежал на нарах в той же позе и явно не собирался исчезать. – «УУаЭЭоААи...» – чуть менее уверенно пробормотала бабушка Дюшель. И снова тот же результат: никто не исчез, никто не появился, никто ни во что не превратился.

Она переполошилась не на шутку.

«АААыОУооээ... ЭЭэоОУууа...» – И... ничего... Никаких изменений.

«Да что же это со мной? Неужели та круглая штука отбила мне память?» – в ужасе подумала она. – Ведь тогда и я не смогу превратиться в себя...» Ей тут же стало стыдно, что эта перспектива расстроила ее куда больше, чем возможная казнь любимца.

«Какая я эгоистка, Лея права! И Рина... И... все вокруг... О чем я думаю? На что трачу драгоценное время? У меня есть всего неделя! И это – в лучшем случае! Этого едва хватит, чтобы вернуть – с помощью Господина Невидимки – утраченную способность превращать в невидимых... других людей!»

Через несколько мгновений, покружив над прекрасным спокойным лицом любимца, она вернулась в свою уютную квартирку. Правда, уютной ее делали не салфеточки, занавесочки и коврики, а – голые стены, на фоне которых так выигрышно смотрится навороченная техника: ее семья, которая устраивала бы ее еще больше, если бы и Эльку можно было превратить в... полезный механизм, который при этом не задает вопросов и умещается в спичечный коробок. Впрочем, вряд ли этот глупый механизм так приятно обнимался бы и так виртуозно... закапывал глазные капли. Ладно уж... Пусть все остается как есть.

Глава 6. Две казни

Всю неделю бабушка Дюшель тренировалась. Она превращала в невидимые окружающие предметы, а потом – и живые существа. Но, честно говоря, когда на ее глазах исчезли дочь Рина и внук Рон, – бабушка так не напугалась, как во время исчезновения Цезаря.

– Прости меня, Цезарь, миленький! И вы, Дина, Дрор, Дорон и мелюзга! Даю слово, больше я никогда вас не буду мучить! Кого угодно, только не вас.

Убедившись, что у нее все прекрасно получается, бабушка-оса вернулась в Ир-Ирон (слава магазину на рыночной площади и выставленному в его витрине экспонату с помятым углом!) Ее внимание привлек шум на площади: сотни собравшихся явно чего-то ждали.

«И не лень им... в такую-то рань?» – усмехнулась бабушка-оса и влетела в камеру. Она была пуста, дверь распахнута настежь, а из коридора доносился непонятный шум.

Предчувствуя недоброе, бабушка Дюшель юркнула в коридор и обомлела. Трое охранников грубо волокли ее любимца в сторону площади, той самой, где нетерпеливо ожидал зрелища неугомонный народ.

В центре площади, явно в спешке, была сооружено нечто похожее на плаху. Несколько человек – судя по всему, переодетые охранники – улюлюкали и потрясали плакатами, на которых черно-белыми буквами на красном фоне было написано: «Да здравствует Фаффер, новый Правитель Ир-Ирона!», Кэнди – вон из Города!», «Слава Тоггису – первому палачу Ир-Ирона!», «Смерть преступнику!», «Казнить взяточника!» Так она узнала, что ее любимца зовут Кэнди, а главных врагов – Фаффер и Тоггис.

«Лихо они это сделали...» – расстроилась она. – Без тщательной подготовки такой сложной операции не провернуть... А ведь бедный Кэнди, наверное, ему доверял. Этому... Фаф-феришке...»

Когда на эшафот поднялся Главный Палач и вытащил из красного футляра завернутый в красную тряпку топор, бабушка-оса едва не потеряла сознание. Не возьми она себя в руки – она вряд ли когда-нибудь снова увидела бы своего Повелителя живым и здоровым.

«Так! Главное – сосредоточиться и не наделать ошибок!» – уговаривала себя бабушка Дюшель. Ей не верилось, что этот милосердный приветливый человек мог совершить такое злодеяние, которое карается отсечением головы.

«УУОААаа...» – взвыла она, с любовью поглядывая на своего любимца, который, казалось, был абсолютно равнодушен к происходящему.

«Рано ты сдался, голубчик! – возмутилась разочарованная бабушка Дюшель. Она ведь не знала тогда, что за эти пять дней Фаффер трижды пытался уговорить Кэнди сознаться в совершенном преступлении и тайно покинуть Ир-Ирон. Когда тот отказался в первый раз, самозванец пригрозил отнять у него любимую жену Томмис. Кэнди не поверил ему и вновь проигнорировал оскорбительное предложение. Наутро Томмис нашли на нижней ступеньке парадной лестницы. Она была мертва.

– У тебя ведь есть еще сын, я не ошибаюсь? – зловеще проскрежетал Фаффер во время очередного визита в тюрьму. – Он тоже будет живописно смотреться на белой лестнице в красной луже... Жены у тебя уже нет, и дом твой – уже не твой. Малыш Террик... да, он пока еще твой. Но только пока, запомни!

Тогда-то Кэнди и признал себя виновным в получении взятки. А за взятку в Ир-Ироне полагалось то же, что и за другие тяжкие преступления – смерть!

«АААУЭОооо...» «Как же там было? АООИИЭЭЭэээ? ЫЫОЭЭАааа?»

Бабушка Дюшель перебирала магические сочетания звуков, но у нее ничего не получалось.

«Господи, помоги мне спасти жизнь того, кто спас от смерти меня! Сжался, подскажи заклинание!» – Она сложила лапки в мольбе и посмотрела в серое от горя небо.

Какой-то представительный мужчина подал знак, и Главный Палач поднял топор.

«ИииАаОоо» – взмолилась бабушка-оса. – «УуУЭЭЭОаа»... «ОоААУУЫЫЭээ...» – крикнула она в отчаянии – но было поздно: со страшным грохотом топор обрушился на шею ее Повелителя. Только, странное дело, голова куда-то пропала, да и тело исчезло. Бабушка, не веря своим глазам, всмотрелась в топор: на нем не было ни капли крови, а растерянное лицо Главного Палача и Правителя подтвердили, что ее мольбы были услышаны.

Собравшиеся на площади люди дружно ахнули.

«Получилось!» – возликовала бабушка и вдруг увидела, что Правитель с искаженным от ярости лицом подозвал к себе Главного Палача и что-то свирепо крикнул ему. Тот кивнул, опустил голову и понуро пошел прочь, на ходу складывая сверкающий на ярком солнце топор.

– Ой-йо-йой! – пробормотала бабушка Дюшель. – Не нравится мне то, что они затевают...

Правитель направился во Дворец, Главный Палач – в противоположную сторону.

«За кем же лететь? – растерялась бабушка. – Тот приказал, этот будет исполнять, но что? И как, если мой Кэнди – теперь она знала его имя – стал невидимым? Может, они задумали отомстить ему как-то по-другому? Интересно, у него есть семья?»

Она смотрела в спину то тому, то этому, и вдруг увидела, что к Правителю подошла дама в наряде, возможно, слишком ярком для такого скорбного мероприятия, как казнь, но явно дорогое. Дама взяла его под руку и что-то зашептала ему на ухо, успокаивающе поглаживая его по руке.

Тот засиял и расцеловал ее.

– Нет, ребятки, – сказала себе бабушка Дюшель. – Не за вами я буду следить, а за ней. Она что-то задумала, и никто, кроме меня, не сумеет выяснить, что именно и как это предотвратить!

Спрятаться в пышной прическе шикарной дамы было куда проще, чем в складке воротника бедного Кэнди.

– Завтра у меня день рождения! – объявила она, едва войдя во Дворец, и хлопнула в ладоши. Сбежавшиеся слуги выстроились по росту и, сцепив руки за спиной, почтительно склонили головы. – Вы слышали? Повторяю для зевак. День Рож-де-ния. Завтра. У меня. И советую вернуть брови на место!

– Но... он же... Он только что был... Четыре дня назад... – растерялся управляющий.

– Мне третий раз повторить? – зловеще прошептала дама и сжала губы. – Созывайте гостей, будет бал! И чтоб все пришли с детьми. Я говорю о малышах, лет... до восьми... Если взрослые не смогут, пусть пришлют детей с нянями. Дети должны быть все, без исключения!

– Слушаюсь! – выкрикнул управляющий и зыркнул глазами на подчиненных.

«Что же она такое затеяла? – озадачилась бабушка Дюшель. – Зачем ей праздновать свой день рождения во второй раз и для чего она приглашает маленьких детей? Надо подумать...»

Но только она собралась покинуть пост, дама сняла шляпу вместе... с париком. Положила все это в шкаф и заперла его на ключ.

– Все, помогла... – расстроилась бабушка Дюшель и мгновенно уснула. Давно известно: безысходность – лучшее снотворное...

Разбудили ее громкие звуки музыки. Бабушка-оса открыла глаза и увидела в замочную скважину шкафа, как вокруг той самой дамы – жены Правителя – водят хоровод маленькие детки лет трех-четырёх, а вокруг них, а противоположную сторону, дети постарше. Заметила она и как дама тихонечко сняла с шеи и незаметно положила в кармашек светловолосого мальчика тоненькое ожерелье, украшенное драгоценными камнями. Тот недоуменно посмотрел

на кармашек, но дама пригласила его на танец, закружила его по зеркальному полу огромного зала и он, конечно, тут же забыл об этом.

Другие родители с завистью смотрели счастливого избранника королевы бала.

Танец закончился, и несколько слуг внесли подносы с хрустальными вазочками, наполненными разноцветными шариками мороженого. Каждый шарик был украшен орешком, вишенкой, кусочком шоколада или крохотным бумажным зонтиком. Дети кинулись к лакомству, выбрал себе мороженое и юный кавалер жены именинницы. Та подошла к зеркалу, поправила прическу, внимательно и с удовольствием осмотрела себя снизу доверху, – и в тот же миг раздался ее истошный крик.

– Украли! Мое любимое ожерелье! Его подарила мне бабушка, а ей – ее бабушка, и так до...

– ... до первой обезьяны..., – шепотом подсказала бабушка Дюшель.

И вдруг увидела Главного Палача, который – на глазах у замершей от ужаса толпы – за шиворот вывел маленького «воришку» из зала. Бабушка-оса начала метаться по шкафу, но вдруг ее осенило: если оса не может проскочить в замочную скважину, то комарику это явно удастся! Через миг она снова была осой, только – по другую сторону дверцы шкафа... У маленькой девочки, которая случайно увидела это превращение, глаза чуть не вылезли из орбит. Бабушке Дюшель так хотелось подмигнуть ошалевшей малышке, но у ос нет век, и мигать ей было нечем.

Воспользовавшись общей суматохой, бабушка-оса поспешила за малышом, который и предположить не мог, что его ждет. Как и все гости, собравшиеся на балу, и все остальные жители Ир-Ирона. Ведь новый закон Правителя Фаффера Второго «О снижении возраста уголовной ответственности до шести лет» вошел в силу лишь этой ночью. Малыша Террика ждала не просто тюремная камера: его ждал красный топор Главного Палача, наводивший ужас и на видавших виды взрослых.

Всю ночь бабушка Дюшель тщетно пыталась определить, в какую именно клетушку поместили сына Кэнди, а на рассвете к площади Эшафотов стал стягиваться народ. Лица людей были бесстрастными, словно казнить маленьких преступников было для жителей Города делом привычным.

«Ну уж дудки, ребята, погубить этого славного малыша – единственного сына моего Кэнди – я вам не позволю!» – бабушка Дюшель улыбнулась от предвкушения того, что сейчас произойдет. Но удивить ей удалось не только других, но и себя. Когда палач поднял топор, она уверенно прошептала про себя: „ОААУУЫЫ...“, но пролетевшая мимо ее носа огромная круглая штукавина вынудила ее вернуться и вместо трех последних «ЭЭЭ» она произнесла «ЭУА»... Только потом, намного позже, она узнала, как много могут значить всего три неправильно произнесенных буквы... Впрочем, что бы ни произошло на самом деле, для зрителей испорченного зрелища мальчик просто пропал, как некогда его отец. Прямо с эшафота.

Кто-то в толпе громко охнул, и вдруг бабушка увидела, что на эшафот вбежал растерянный Кэнди и стал тщательно осматривать плаху, словно для младшего школьника обычное дело пролезть сквозь щель между булыжниками мостовой или каплей воды стечь по стене эшафота на землю.

«Как же так? – ахнула бабушка Дюшель. – Я не превращала его в видимого. Неужели? ...» И тут ей стало плохо: одно из сочетаний магических звуков, которые она лихорадочно перебирала в голове и пробовала голосом, оказалось возвращающим невидимым видимость.

Бывшего Правителя немедленно схватили. Увели, заломив руки за спину, и несчастного Главного Палача. Полное фиаско потерпела и одна неудачливая волшебница: когда обескураженный народ разошелся, бабушка Дюшель, а речь о ней, подлетела к месту казни и вдруг с ужасом обнаружила на мраморном постаменте эшафота крупного таракана, который мгновенно юркнул в щель между ровно обтесанными камнями эшафота.

Сердце ее оборвалось.

«Что я натворила? Как я покажусь на глаза моему милому Кэнди? Я и тут напортачила. Теперь малыш абсолютно беззащитен: его могут погубить подошва ботинка какого-нибудь раяты, копыто овцы, колесо мотоцикла. Его может склевать птица или замучить до смерти кошка. А даже если, по счастливому стечению обстоятельств всего этого не произойдет, он умрет от старости. Сколько, интересно, живут тараканы? Эх... Сюда бы сейчас ее мобильник с выходом в Интернет...

Она полетела было за своим Повелителем в сторону тюрьмы, но что-то огромное вдруг больно снова ударило ее – на сей раз по спинке. Больше она ничего не помнила...

Очнулась бабушка Дюшель в светлой прохладной комнате. Она лежала на узкой кровати, рядом на столике звенели от ветра пузырьки с лекарствами, в овальной тарелке лежали два красавца-яблока и половинка ее любимого пористого шоколада.

На краешке кровати сидела дочка Рина – мама Эльки и Аннабель. Глаза ее опухли от слез, щеки ввалились.

– Мамочка, слава богу! Мы уж думали...

Она кинулась обнимать свою маму, нечаянно коснулась спины, бабушка Дюшель вскрикнула от острой боли и только тогда вспомнила о том, что произошло с ней в далеком Ир-Ироне.

– Я давно здесь? – спросила она, с трудом разлепив привыкшие к многодневному молчанию губы.

– Все уже позади, мама. Слава богу, что у тебя был с собой мобильный телефон. Какой-то незнакомец позвонил мне и сказал, что ты лежишь в парке на скамейке без признаков жизни. Мы привезли тебя в больницу, тебя пытались вывести из...

– ... из комы? – помогла ей бабушка Дюшель.

– Не совсем... Врачи до сих пор не знают, что с тобой и как тебя лечить. Голову проверили, руки-ноги, сердце – все в порядке. А в сознание не приходишь.

– Спина... Все дело в спине. Скажи им, – прошептала бабушка.

– Так... ты помнишь? И что же с тобой произошло? – обрадовавшись сначала, насторожилась Рина.

– Потом, как-нибудь... потом, – улыбнулась дочке бабушка Дюшель.

«Да, здорово же мне досталось!» – подумала она, едва за дочерью затворилась дверь. Она закрыла глаза, и перед ней с удивительной четкостью прошла вся картина ее неудачного посещения странного Города с красивым названием Ир-Ирон. Хотя нет... Разве можно назвать неудачей встречу с самым главным человеком в твоей жизни?

Находясь в больнице, бабушка Дюшель исправно пила прописанные ей таблетки и микстуры и беспрекословно выполняла все указания врачей. Надо хорошо знать бабушку, чтобы понять, как сильно она стремилась выздороветь. То есть, не столько выздороветь, сколько... выписаться из больницы.

– Мне так плохо без моей семьи, – жаловалась она врачу. – А они без меня и вовсе пропадут! Мои дорогие Цезарь, Дина, Дорон, Дора и крошка Дрор!

– О, да вы богатая бабушка! Не каждая может похвастаться таким количеством внуков! – восхитился врач.

Через пару недель бабушка Дюшель была, наконец, дома.

– Ну, мама, в добрый час! – сказала Рина, поставила на прикроватную тумбочку поднос с едой и питьем и ушла.

Едва за дочью затворилась дверь, бабушка с трудом поднялась, шатаясь, как пьяная, подошла к компьютерному столику и вдруг с ужасом обнаружила, что Цезарь... исчез. Она кинулась к телефону и ахнула от негодования. Он был отключен.

– Да, что ж это такое? – возмутилась бабушка. – Они что, думают меня так удержать?

Она схватила свой мобильник и позвонила дочери.

– Не обижайся, мама! Но я не могу позволить тебе рисковать жизнью! – жестко сказала Рина. – Я говорю сейчас о жизни реальной, а не о виртуальной. Хотя и там у тебя, судя по всему, проблемы!

– Я не собираюсь обсуждать с тобой мою жизнь. И... и вот что! Если ты сегодня же не вернешь мне Цезаря, я... отрекись от тебя! – срывающимся голосом выкрикнула бабушка.

– То есть тебе легче отказаться от дочери, чем от бездушной машины? Спасибо, мама! Вот спасибо...

– А до тех пор чтобы... ноги твоей не было в моем доме! – бабушка Дюшель разъярилась не на шутку. Так, как могут разъяриться только тихие и спокойные люди, когда их достанут.

– Ладно, – сдалась Рина. – Как раз сегодня вечером мы едем на свадьбу, коллега Эрика пригласил – неудобно отказаться. А у Аннабель – концерт в музыкальной школе. Так что готовься к встрече со своей любимицей! Что тебе принести на ужин?

– Цезаря. А уж как его приготовить – с соусом, оливками или запечь в духовке с сыром, я как-нибудь сама придумаю. И сделайте так, чтобы ребенок не таскал тяжести! Не как с теми двумя арбузами...

– Ой, кто бы говорил, мама!

Через несколько часов на ее столе вальяжно развалился Цезарь, окруженный толпой соратников, а на краешке дивана скромно пристроилась Элька. Она отлично знала, что бабушке сейчас не до нее и она ждет-не дожидается, когда останется наедине с железякой, начиненной электроникой. Элька проследила, чтобы бабушка выпила лекарства и уехала домой.

«Какая у меня замечательная внучка! – ликовала та, убедившись, что с помощью Эльки вновь получила вожаделенную возможность гулять по просторам Интернета без ограничений. – Может, зря я не рассказала об Ир-Ироне, о благородном спасителе, который сам сейчас нуждается в помощи. Обо всем, что произошло со мной в этом странном Городе? Хотя... Рассказать без... некоторых нюансов... не удастся, а значит придется научить ее всему, что умею я. Но хочу ли я этого? И сама себе ответила: «Нет! Во всяком случае, не сейчас».

И тут же зазвонил телефон.

– Про глазные-то капли мы забыли, бабуль! Приехать? Или справишься?

– Конечно, справлюсь, родная. Пока!...

– Подожди, не клади трубку! Бабулечка Дюшелечка, ты ведь расскажешь мне, что с тобой приключилось на самом деле? И почему ты вся пахнешь медом. И почему все время трогаешь свои лопатки и вздыхаешь. И почему...

– Обещаю, но... не сегодня. И, пожалуй, не завтра. У меня масса неотложных дел.

Положив трубку, она снова невольно прикоснулась к левой лопатке и почувствовала, что все вокруг кружится и плывет.

«Ладно, Господин Невидимка, до утра еще спите спокойно, но завтра...»

На другое утро, поднявшись ни свет, ни заря, бабушка кинулась искать своего юного друга.

– Это ведь ваших рук дело: мое спасение и возвращение? И Рине вы сообщили, правда? – спросила его бабушка, едва увидела в Интернете знакомый ник.

– Ну вы и азартная штучка! – написал он в ответ. – Скоро я, кажется, пожалею об уроках, которые вам преподавал.

Хорошо, что он не видел бабушкиной смущенной улыбки.

– Ладно, давайте выкладывайте. Больше ведь вам не с кем поделиться. Мы, волшебники, такие, оказывается, одинокие... Особенно начинающие. И так?

Бабушка Дюшель без лишних подробностей рассказала господину Невидимке обо всем, что приключилось с ней в Ир-Ироне.

– Вы уверены, что это был не сон? – озадаченно спросил он.

– Кажется, да. Спина у меня, по крайней мере, болит совсем по-настоящему... – улыбнулась бабушка.

– Тогда нам нужно действовать. Сделаем так. Пока вы слабы, в ваш... Город полечу я. Разведая, что смогу, там видно будет... Как туда попасть?

– Влетите в домик, что выставлен на витрине магазина игрушек на Рыночной площади, а там все поймете. Я бы и сама, но у меня сегодня ничего не получается...

– Бывает! – сказал Господин Невидимка.

– И вот что! Почаще смотрите там по сторонам, чтобы вам в первую же минуту голову не размозжили...

– Обещаю! – бодро выкрикнул он. – А вообще-то за меня не беспокойтесь: я же – невидимка!

– Так в том-то и проблема! Вы будете нуждаться в помощи, а этого никто не узнает...

– Я буду кричать на весь город!

Бабушка Дюшель почувствовала, что он улыбается.

– Или все-таки самой полететь? – сказала она, но тут же громко охнула: спину прострелило так, что у нее слезы брызнули из глаз.

– А мне кто будет помогать? – возразил Господин Невидимка. – Без вас я определенно пропаду! Так что... учитеесь. Есть вещи, которые мне пока неподвластны, а времени у нас, я чувствую, в обрез. Вызвать дождь, разогнать тучи или в течение получаса вырастить клубнику я уже могу. А вот найти пропажу, больного исцелить, совершать некоторые другие манипуляции пока затрудняюсь. Может и не понадобятся мне эти умения, но если вдруг – мы должны быть готовы. Я подскажу вам, где найти нужный сайт, а вы действуйте!

Господин Невидимка вырвал из карманного блокнота чистый желтовато-розовый листочек и написал несколько строк.

– Почитайте, что пишет народ на этих форумах: там иногда можно найти то, чему не научат и опытные маги.

– Такие, как... некто Господин Невидимка? – бабушка улыбнулась.

– Ну вот, вижу, что вам уже лучше! Что ж, не будем терять времени! Ведите себя хорошо: вы мне нужны живой и здоровой. Обещаете?

– Обещаю! – торжественно поклялась бабушка Дюшель, зачем-то скрестив пальцы, и назвала своему другу точный адрес магазина.

Новость, которую он сообщил бабушке через восемь минут, чуть не свалила ее с ног. Домик исчез.

«Идиотка! – ругала себя бабушка. – Почему я сразу его не купила? Верила, что именно на этот – пыльный, выцветший, с помятой крышей – никто не позарится. И вот... Как я могла? Убийца, убийца, и с этим мне жить до конца жизни!»

Глава 7. Грустный завтрак

– Мне? – голос Маню дрогнул. – Собственный дом? Вот это да...

– Ну, не совсем дом... – Эльке было приятно, что предмет ее горьких слез неожиданно оказался поводом для чьего-то счастья. – Даже голову в дверь не просунешь. Но зато его белые стены можно раскрасить в любые цвета, причем не только снаружи, но и изнутри. Сделать макеты гостиной или кабинета, «постелить» ковер, «повесить» люстру. Можно человечков нарисовать, одеть их и посадить на диван или приклеить так, словно они выглядывают из окна или стоят на пороге дома. А можно сделать макеты крошечных домиков и расставить их внутри главного дома – и тогда получится целый Город. И название ему придумать. Хочешь, попробуем?

– У меня, кажется, еще никогда ничего своего не было... – Маню впервые улыбнулся.

Элька горестно вздохнула и вытащила фломастеры.

– Я так рада, что Кризли убежала вчера... Что вы встретились... Сидела бы сейчас одна и не знала, что мне делать с этими домиками. Давай позавтракаем и раскрасим их! Рон сказал, что если нарисовать свое самое заветное желание, оно исполнится! Правда, за это он тут же выпросил один домик. Он всегда так делает: подарит и тут же забирает подарок назад. Не по-хорошему, так по-плохому...

– И ты согласилась? Он же тебя предал... – Маню пристально смотрел ей в глаза.

– Я... я тоже его предавала. – Элька покраснела и опустила голову. – Когда два года назад все дразнили его кабанчиком, я молчала... Разве это не предательство? Мне ужасно стыдно...

– Но они ведь...

– ... побили бы меня? Ну и что! Главное – что я струсилась... Ненавижу себя за это!

– Трусиха не вышла бы ночью на улицу, одна...

– Сегодня? Это не считается... Я же Кризли спасала. От тебя, между прочим, – Элька улыбнулась Маню. – А ты? Разве ты ничего не боишься?

– Боюсь. Что опять начну... заикаться. Что все опять станут меня передразнивать. – Теперь он смотрел на Эльку в упор.

– Разве ты... заикаешься? – удивилась девочка. – Я что-то не заметила...

– Это бывает только, когда я... когда Эммануэль... Нет, лучше потом расскажу, ладно? Маню вытащил откуда-то из-за двери уже собранный домик с помятым углом.

– Можно этот?

– Любой, Маню! – Элька оглянулась. – Странно, вроде все были... а, это, наверное, тот, что Джо прислал. Конечно, бери! Или поменяй на новый! Они все одинаковые...

Маню покачал головой.

– Тогда он – твой! Тот, от тетушки Леи, я беру себе. Остальные раздарю. Аннабель, ее подружке Кларе, тете Фанни... Ну а тот, со стрелочками, так и быть, пусть Рон забирает... Мне не жалко! Если хочет, пусть даже разрисует стены толстыми девочками и мальчиками и стреляет в них индейскими стрелами.

В животе у Эльки заурчало.

– Что это? – не понял Маню.

– Э... ты любишь горячие бутерброды с сыром и кетчупом? – перевела разговор Элька.

– Не знаю... Твоя мама, наверное, все вкусно готовит.

– Мама на работе, папа рано утром улетел в Африку, в командировку. Как шутит мама, – расплачиваться с семейством леопардов за дядю Лео. Либо – договариваться о новой жертве. – Элька рассмеялась. – Аннабель, моя сестра, ушла на теннис. А завтра с подружкой и ее родителями едет на Красное море. У нее много друзей, она ни одни каникулы еще дома не провела... – Элька вздохнула.

– У тебя тоже много д-друзей? – тихо спросил Маню.

– Совсем нет, – так же тихо ответила Элька. – Хотя... есть... Джо, музыкант, ты о нем услышишь. А еще – Рири, слизняк. И Кризли – с ней ты знаком. Ну и... один странный мальчик по имени Маню. Ты его не знаешь, – пошутила Элька.

– Это т-точно, – помолчав, выдохнул Маню.

– А я тем более. Может, познакомишь? – Эльке не терпелось расспросить нового друга о его жизни.

– Не сейчас, хорошо?

– Почему? – не отставала Элька. – Ты куда-то спешишь? Я – нет. Могу слушать тебя хоть до... послезавтра!

– Я не спешу, – помедлив, ответил Маню. – То есть спешу, очень спешу, но не знаю почему и куда.

– Странный ты, Маню. Ничего о себе не знаешь. Ну, а... родители у тебя есть? Бабушки-дедушки, тетушки-дядюшки, братья, сестры? Где твой дом? Откуда ты пришел? Где-то же ты ночевал вчера, позавчера, год назад?

– Не пп-помню. – Маню опустил голову.

– М-да... – Элька скривила рот набок, что означало высшую степень растерянности. – А... детство ты помнишь? Хоть что-нибудь? В какой садик ходил, какое блюдо самое любимое. Может, сон какой-нибудь помнишь? Бывает так: прицепится и снится, снится чуть не каждую ночь. Особенно когда болеешь. Тетушке Фанни, например, снится, что все вокруг – как при замедленной съемке. Одно слово человек произносит минуту, руку поднимает три минуты – и ей от этого становится жутко. У мамы моей перед глазами гномы дерутся, злые-презлые. С огромными кулачищами. И она уже знает: начинается приступ мигрени. А мне всегда снятся страницы огромной книги – и я бегу по ним, перепрыгивая с одной на другую, и очень боюсь наступить мимо. А сегодня, например, приснилось, будто я в каком-то незнакомом Городе – то ли в парке, то ли в саду – умоляю огромную голодную обезьяну подарить мне... что бы ты думал? Какую-то тряпку! Что-то вроде... покрывала. Одно такое... легкое-легкое, расшито сверкающими звездами и колечками. Кажется, розовое. Или сиреневое. Там темно было, и я не рассмотрела. А тебе что снилось?

– Усы... как будто у меня два маленьких усика п-появляются и начинают расти вверх и в стороны. Быстро-быстро. И так страшно шевелятся... П-потом все исчезает.

– Ну и ну... Странно все же: ничего человек не помнит, а усы помнит.

– Когда болею – клоуны снятся. Передают меня – малюсенького – один другому и превращаются то в цыган, то в коз... А я хохочу и глаза закрываю...

– Так, может, твои родители – клоуны? – обрадовалась Элька. – Или... цыгане? Или... – она прыснула в ладонь и осеклась. – Ладно, пора заняться завтраком! Фломастеры у меня на полке, слева. И краски там же. Бери все, что захочешь. Чувствуй себя как дома!

– Тебе... нужна моя помощь? – осторожно спросил мальчик, на случай, если она опасается оставлять его в комнате одного, но стесняется сказать...

– Брось ты эти глупости! – рассердилась Элька. – Лучше домиком своим займись! А у входа коврик постели: устроим пикник на траве!

– Х-ххор-ррошо, – ответил Маню и опустил голову.

Элька вышла, едва скрывая негодование. Ну почему все так несправедливо? Одним – красота, здоровье, талант, веселый характер... А другие должны хромать, следить за каждым съеденным кусочком или застрявшим в горле словом... Прятать за контрабасом уродливый горб. Пугать народ голым крысиным хвостом или перламутровым слизнячьим следом... Почему мухи, жуки, пауки, тараканы должны постоянно опасаться за свою жизнь? Паукам еще везет: некоторые верят, что они несут добрую весть, и не убивают их.

Элька вздохнула и принялась раскладывать ветчину по кусочкам хлеба. Потом она обнаружила, что кончился сыр, и сбежала в ближайший магазинчик, а заодно купила капусту для Рири, сухарики для Кризли и несколько мелких шоколадок: себе, Маню, маме и Джо с тетей Фанни, которая, возможно, уже вернулась из путешествия. Кстати, не забежать ли к ней прямо сейчас? Тогда она успеет сообщить Джо, что он может перебраться в летний домик. В том, что тетушка Фанни не откажет, Элька не сомневалась!

– Привет, Долли! Привет, Молли! – Элька расцеловала обрадованных собак. – А где ваша хозяйка?

– Принимает ванну, – крикнула из глубины дома тетя Фанни.

– Я спешу, тетечка Фанничка! Я на секундочку! Вы знаете Джо...

– ...с Рыночной площади? Кто ж его не знает. А что случилось? – встревожилась тетя.

– Ничего. Просто он живет на улице, и я...

– Я уже год слышу эту песню! – махнула рукой тетушка Фанни. – Сказала же – пусть перебирается к нам! Дом все равно пустует...

– И... что, можно уже сегодня?

– Именно сегодня! У меня к ужину много вкусоностей припасено.

– Тетечка Фанничка, ты самая добрая на свете! – крикнула в замочную скважину ванной Элька и звонко ее поцеловала. – Бегу сказать ему!!!

– Эй, ты еще здесь, малышка? – остановила ее тетя.

– Почти уже нет, – засмеялась Элька.

– У меня есть для тебя подарок. Можешь взять: он на телевизоре!

Элька подошла к телевизору. Сердце ее стучало. Только бы не плоская коробочка. Только бы не паучки...

Но опасения ее, к счастью, были напрасными. На телевизоре лежала маленькая коробочка.

«Телефон? – не поверила своему счастью девочка. – Мой собственный мобильный телефон?»

Она не ошиблась. В коробочке лежал новенький телефон с красивой желтой полосой по периметру.

– Спасибо, тетечка Фанничка! И что, я уже могу звонить?

– Да! Я ввела несколько номеров в память. Мой, мамин, папин, бабушки Дюшель и Рона.

«Его-то зачем? – пожалала плечами Элька. – Вот уж кому я никогда в жизни не позвоню!» –

Но вслух, конечно, ничего не сказала.

– И еще! Привет тебе от бабушки Дюшель. Такая дамочка... Ты бы ее ни за что не узнала!

– Спасибо! Я позвоню ей сегодня.

– Если дозвонишься. У нее в последнее время телефон всегда отключен. Но ты везучая. Может, прорвешься...

– Тетечка Фанничка, а можно... Можно, я... приведу на ужин еще одного своего друга, Маню?

– Ты же знаешь, Элишенька, твои друзья – мои друзья.

Элька еще раз звонко поцеловала замочную скважину – теперь уже на входной двери – и помчалась домой.

Вернувшись домой, она запихнула в духовку бутерброды, налила чай в красивые чашечки, положила на два блюдечка по две крошечных шоколадки и побежала переодеваться. Через час Джо появится на Рыночной площади, и Элька сообщит ему радостную весть. Надо только накормить Маню и поесть самой, чтобы не шокировать пассажиров автобуса странными звуками, доносящимися из живота одной далеко не худенькой пассажирки с голодными глазами.

– Маню, завтрак готов!

Элька ввезла в свою комнату столик на колесиках, покрытый красивой кружевной салфеткой, которую Элька связала вместе с мамой. То есть – связала мама, а раскрашивала узор Элька. Получилось очень даже симпатично!

Уверенным движением опытного фокусника Элька сдернула салфетку, изящно отбросила ее в сторону, обернулась и захлопала в ладоши. Ей хотелось видеть реакцию Маню на две чашечки чая: голубую с желтыми утятами и желтую – с голубыми. И две тарелочки с бутербродами – тоже желтую и голубую. С утятами по ободку и червяком посередине, высывающим хитрую мордочку из травы. Рон прокомментировал этот их прошлогодний подарок Эльке обидно: «это тебе, чтобы отбить охоту доедать до дна!» Знал бы он, что Эльке это не только не помешало вылизывать тарелку после вкусной еды, но и, наоборот, стимулировало: уж очень этот извивающийся хитрюга был симпатичен!

– Ну как? Не слышу реакции! – крикнула Элька. Ответа не было. – Маню, ты где? – и снова молчание в ответ.

Элька оглянулась и только теперь поняла, что Маню в комнате нет. От растерянности заглянула в вазу, словно там, в ожидании куриных костей, сидел скрюченный мальчик, зажимая рот, чтобы не расхохотаться. Потом она проверила под кроватью, заглянула в шкаф, сбегала в ванную комнату, выскочила на балкон, но мальчика след простыл.

– Хватит шутить, Маню! Посмотри, какие бутерброды аппетитные! И чай с лесными ягодами. Мой руки и к столу! Иначе я начну без тебя! – Элька принялась за бутерброд. Но мальчик не появился ни через минуту, ни через три.

«Странно... Неужели он сбежал?» – расстроилась Элька. – Но почему? Чем я его обидела?»

На всякий случай она все же написала Маню записку, сунула ее под коврик у входа в дом и выскочила на улицу. Через миг вернувшись, завернула Джо два бутерброда, хлебнула чай из желтой чашки, прикрыла оставшимися двумя бутербродами лукавую мордочку червяка на дне тарелки – и побежала к Джо.

Глава 8. Приглашение

Джо сидел на своем излюбленном месте, но не играл и явно собирался уходить. Вид у него был какой-то жалкий: лицо желто-серое, губы почти черные, взгляд тусклый.

– Что случилось, Джо? – заволновалась Элька. За последние пару месяцев Джо сильно похудел и постарел. – Ты в порядке?

– Не уверен, – слабым голосом ответил Джо. – Голова кружится и ноги подкашиваются. Ой! – Он скривился. – Вот, и живот режет ужасно...

– Живот? Может, ты отравился? Но-шпа у тебя есть? Или уголь активированный?

Джо молча покачал головой.

– А твои таблетки? Желтые?

Джо молча вытащил из кармана пустой пузырек, в котором вчера еще был добрый десяток желтых таблеток.

– Тогда... знаешь что: собирайся – и прямо сейчас мы едем в тете Фанни.

– Предлагаешь нарушить закон? Так у меня может не найтись нужной отмычки.

Элька рассмеялась.

– Во-первых, она вернулась, – успокоила его Элька. – Во-вторых, У нас с тетей Фанни общий дворик, и когда она уезжает, я остаюсь с глупыми Долли и Молли. В летнем домике. Зимой там иногда гостит тетина подруга из Ирландии, а остальные девять или десять месяцев в году он пуст. Тетушка даже хотела одно время сдать его: все же спокойнее, когда рядом живая душа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.